

БЕТ О'ЛИРИ

КВАРТИРА НА ДВОИХ

Любовь и другие хэппи-энды

Бет О'Лири

Квартира на двоих

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

О'Лири Б.

Квартира на двоих / Б. О'Лири — «Издательство АСТ»,
2019 — (Любовь и другие хэппи-энды)

ISBN 978-5-17-118798-9

Тиффи и Леон живут в одной квартире. Тиффи и Леон спят в одной кровати. Тиффи и Леон никогда не встречались. Тиффи Мур срочно нужно съехать от бывшего парня, и лучше в квартиру подешевле. Леон Туми работает по ночам в хосписе и нуждается в деньгах. И тогда они находят сумасшедшее, но в тоже время идеальное решение: Леон будет жить в квартире днем, а Тиффи – ночью и на выходных. Они видят только следы друг друга – грязные чашки, разбросанные туфли, шарфы и книги – и пишут друг другу записки: о том, кто должен вынести мусор, убрать вещи, починить отопление. А еще делятся новостями о ревнивой девушке, навязчивом бывшем, друзьях и проблемах на работе. Сколько нужно записок, чтобы подружиться с человеком, которого никогда не видел? А через сколько записок можно в него влюбиться?..

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-118798-9

© О'Лири Б., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Февраль	6
1. Тиффи	6
2. Леон	11
3. Тиффи	13
4. Леон	16
5. Тиффи	19
6. Леон	22
7. Тиффи	25
8. Леон	29
9. Тиффи	31
10. Леон	33
11. Тиффи	35
12. Леон	38
Апрель	41
13. Тиффи	41
14. Леон	44
Май	47
15. Тиффи	47
16. Леон	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Бет О'Лири
Квартира на двоих
Посвящается Сэму

Февраль

1. Тиффи

И все-таки даже у отчаяния есть плюсы: оно заставляет по-новому взглянуть на мир.

Квартирка не так и страшна. Плесень на кухонной стене можно отскрести. Новый матрас, взамен здешнего, замызганного, обойдется недорого. А грибы, растущие за унитазом, определенно создают ощущение свежести, как в лесу.

Мо и Герти, однако, безысходностью не страдают и мириться с увиденным не хотят. Выражение их лиц я бы назвала «ошалелым».

– Здесь жить нельзя!

Это Герти. Она стоит, плотно сдвинув ноги в ботильонах и прижав руки к бокам, словно в знак протеста решила занять как можно меньше места. Волосы стянуты на затылке в «бублик» и заколоты невидимками, специально под адвокатский парик. Наблюдать за ней было бы довольно смешно, если бы речь не шла о моих собственных планах.

– Наверняка можно найти еще что-нибудь недорогое, Тифф, – озабоченно говорит Мо, объявившись после осмотра чулана с бойлером. Вид у Мо взъерошеннее обычного, чему весьма способствует паутина на его бороде. – Эта еще хуже той, что мы смотрели вчера вечером.

Оглядываюсь на риэлтора; к счастью, тот не слышит, ибо курит на «балконе» – просевшей крыше соседского гаража, явно не предназначенной для прогулок.

– Я больше никакие гадюшники смотреть не собираюсь, – заявляет Герти, бросая взгляд на часы.

Уже восемь, а к девяти ей надо в уголовный суд в Саутуарке.

– Должно быть другое решение, – добавляет она.

– Может, все-таки потеснимся и возьмем ее к нам? – предлагает Мо в пятый раз с субботы.

– Прекрати, ей-богу! – не выдерживает Герти. – Это не выход. К тому же ей пришлось бы спать стоя – у нас просто нет места. – Смотрит на меня с некоторым раздражением. – И чего ты такая дылда? Не вымахала бы метр восемьдесят, положили бы тебя под обеденным столом.

Я корчу виноватую мину, хотя, по правде говоря, лучше остаться здесь, чем переехать в крошечную и сумасшедше дорогую квартиру, которую Герти и Мо сняли на двоих в прошлом месяце. Они никогда не жили под одной крышей, даже в университете. Боюсь, теперь их дружбе придет конец. Мо неряшлив, рассеян и, несмотря на тщедушное телосложение, обладает исключительной способностью заполнять собой все имеющееся пространство. Герти, напротив, последние три года прожила в квартире сверхъестественно чистой – безукоризненной, как на картинке. Как бы наложение двух таких диаметрально противоположных стилей не привело к взрыву и не обрушило к чертям собачьим весь Западный Лондон.

Главная же загвоздка в том, что, если уж спать по чужим углам, вполне можно вернуться и к Джастину. Хотя с одиннадцати вечера этого четверга я твердо решила: такой опции нет. Нужно жить дальше и, дабы сжечь мосты, – найти постоянное жилье.

Мо потирает лоб и садится на заляпанный кожаный диван.

– Тифф, давай я одолжу тебе...

– Не надо ничего одалживать! – произношу я резче, чем хотела. – Слушайте, мне надо определиться на этой неделе: или жить здесь, или снимать на пару с кем-то.

– В смысле спать с кем-то в одной койке? – иронизирует Герти. – А можно узнать, с чего такая срочность? Нет, я рада, только, помнится, в прошлую нашу встречу ты никуда переезжать не собиралась и ждала, когда же соизволит наконец появиться тот, чье имя нельзя упоминать...

Вздрагиваю от удивления. Не из-за сарказма – им обоим Джастин никогда не нравился, и они злятся оттого, что я до сих пор у него живу, хотя и знаю, что он домой почти не заглядывает. Просто необычно, что Герти заговорила о нем напрямую. Последний примирительный ужин на четверых закончился жутким скандалом, и я бросила затею всех подружить, вовсе перестав упоминать Джастина в присутствии Герти и Мо. Привычка – вторая натура, и, даже когда мы разошлись, тема оставалась табу.

– И почему ты ищешь что-то настолько дешевое? – не унимается Герти, игнорируя встревоженный взгляд Мо. – Я знаю, зарплата у тебя нищенская, но, честно, Тиффи, четыреста фунтов в месяц для Лондона – нереально.

Сглатываю, чувствуя на себе внимательный взгляд Мо. Вот и заводи себе друзей-психотерапевтов: Мо – дипломированный «телепат» и, видимо, никогда не выключает свои сверхспособности.

– Тифф... – мягко произносит он.

Все, с меня хватит! Ничего не попишешь, придется показать им сообщение. Лучше быстро и сразу – как сорвать пластырь с раны.

Достаю телефон и открываю «Фейсбук».

Тиффи,

вчера вечером ты меня серьезно разочаровала. Абсолютно неадекватное поведение. Это моя квартира, Тиффи, и я могу приходить сюда когда и с кем хочу.

Вообще, сказала бы спасибо, что тебя отсюда не попросили. Я знаю, наш разрыв больно по тебе ударил и ты пока не готова съехать. Но если ты вообразила, что можешь «устанавливать правила», то будь добра, заплати мне за последние три месяца. И впредь рассчитывайся по полному тарифу. Патрисия говорит, что ты села мне на голову – живешь практически бесплатно. До сих пор я всегда тебя защищал, а после вчерашнего цирка начинаю думать, что она права.

Джастин

Когда перечитываю «села мне на голову», сердце щемит, – я вовсе не хотела такого, просто не осознавала, что на сей раз он ушел по-настоящему.

Мо дочитывает первым.

– Он что, снова «забегал» в четверг? С Патрисией?

Отвожу взгляд.

– В чем-то он прав. Живу у него который месяц...

– Странно, – хмурится Герти, – у меня всегда было ощущение, что ему такое положение вещей нравится.

В ее устах это действительно звучит странно. Да я и сама так думала. К тому же в четверг я наконец познакомилась с Патрисией... Красивой и очень милой девушкой, ради которой Джастин меня бросил. До нее других женщин не возникало.

Мо берет меня за руку, Герти – за другую. Мы стоим, не обращая внимания на риэлтора, который курит за окном, и на секунду я даю волю чувствам – по щекам скатываются две крупные капли.

– В любом случае мне пора съезжать, – заявляю я, бодрясь. Высвобождаю руки и вытираю слезы. – И как можно скорее. Если бы даже я осталась, рискуя, что Джастин снова приведет Патрисию, на аренду мне не хватит, а я должна ему кучу денег и категорически не хочу

занимать. Достало жить за чей-то счет, честно. Поэтому... да: или здесь, или снимать с кем-то на двоих.

Мо и Герти переглядываются. Герти на секунду закрывает глаза, нехотя уступая.

– Что ж, здесь жить точно нельзя... Покажи еще раз объявление.

Я открываю объявление и протягиваю ей телефон.

Солнечная квартира в Стоквелл, одна двуспальная кровать. Триста пятьдесят фунтов в месяц, включая коммунальные. Заезд – в любое время. Минимальный срок – шесть месяцев.

О себе: двадцать семь лет, ночные смены в хосписе, всегда уезжаю на выходные. Дома понедельник – пятница с 9:00 до 18:00. Остальное время квартира полностью в вашем распоряжении! Идеальный вариант для работающих с девяти до пяти.

Заинтересовавшихся прошу звонить Л. Туми. Координаты – ниже.

– Это же не просто жить в одной квартире, а еще и спать в одной кровати! Это дико, Тифф, – озабоченно замечает Мо.

– А что если Л. Туми – мужчина? – добавляет Герти.

К такому вопросу я подготовилась.

– Неважно, – отвечаю невозмутимо. – Мы никогда не окажемся в одной кровати вместе. Да и в квартире, если на то пошло.

Подозрительно похоже на то, что я говорила в прошлом месяце, объясняя решение остаться у Джастина, ну да ладно...

– Ты будешь спать с ним, Тиффани! – не унимается Герти. – А первое правило совместного съема квартиры – не спать с соседом! Спроси кого хочешь.

– По-моему, Герти, тут имеется в виду другое, – иронизирую я. – Видишь ли, иногда, говоря «спать вместе», люди подразумевают...

Герти смотрит на меня в упор.

– Да, Тиффани, спасибо.

Мо тихонько прыскает, но тут же затыкается под свирепым взглядом подруги.

– А я бы сказал: первое правило – узнать, что это за человек, – говорит он, ловко переводя внимание Герти обратно на меня. – Особенно при таких обстоятельствах.

– Естественно, я сперва познакомлюсь с Л. Туми. И если не поладим, не перееду.

Мгновение спустя Мо кивает и сжимает мне плечо. Погружаемся в молчание, как бывает после тяжелого разговора, когда и рад, что все позади, и доволен, что неплохо справился.

– Ладно, – сдаётся Герти и обводит взглядом комнату. – Ладно. Поступай, как знаешь. Все лучше, чем это убожество. – Она широким шагом направляется к выходу и напоследок бросает риэлтору: – Проходимец!

Тот моргает. Герти хлопает дверью. Воцаряется неловкая тишина.

Риэлтор гасит сигарету и спрашивает:

– Так что, берете?

Я приезжаю в издательство рано и падаю в кресло. Сейчас именно рабочий стол дарит мне наибольшее ощущение дома. Райский уголок из недовязанных шарфов, вещей, которые неохота везти домой в автобусе, и цветочных горшков, поставленных так, чтобы видеть всех приближающихся еще до того, как они поймут, на месте я или нет. Коллеги помоложе, все как один, считают горшочную стену потрясающей декоративной находкой. Если честно, надо просто выбрать растения под цвет волос – рыжих в моем случае, – и тогда можно, если что, пригнуться или незаметно улизнуть.

Первая задача на сегодня – встреча с Кэтрин, одной из любимых моих авторов. Кэтрин пишет книги о вязании. Покупает их узкий круг любителей, но именно на таких и специализи-

руется «Баттерфингерс-пресс»¹ – мы обожаем нишевую аудиторию. Наша фишка – рукоделие и книги из серии «Сделай сам». Окрашивание простыней, платья собственного кроя, связанный крючком абажур, мебель из лестниц и прочее в том же духе.

Обожаю свою работу. Как объяснить иначе, что три с половиной года я проработала помощником редактора, получая ниже лондонского прожиточного минимума, и ни разу не попыталась исправить ситуацию, скажем, устроиться в действительно успешное издательство. Гертти любит время от времени объявить, что мне не хватает целеустремленности, однако причина не в этом. Просто я безумно люблю то, что делаю. В детстве я целыми днями читала или возилась с игрушками, меняя их на свой вкус: красила волосы Барби или разрисовывала пластмассовый экскаватор. А теперь зарабатываю на жизнь чтением и рукоделием.

Правда, не то чтобы зарабатываю. Так, немножко, но как раз столько, чтобы платить налоги.

– Говорю тебе, Тиффи, вязание крючком – это новые раскраски для взрослых! – заявляет Кэтрин, устроившись в нашей лучшей переговорке, чтобы поведать о новом проекте.

Гляжу на устремленный в меня палец. На каждой руке у Кэтрин штук пятьдесят колец, и мне еще предстоит определить, есть ли среди них обручальные. Если есть – точно не одно.

Кэтрин эксцентрична на грани разумного: у нее соломенная коса, красиво стареющая загорелая кожа и богатый репертуар историй о том, как в шестидесятые она куда-то там врывалась и на что попало мочилась. До сих пор она не носит лифчик, хотя теперь они вполне себе удобные, и большинство женщин плюнули на борьбу за свои права, предоставив это Бейонсе.

– Хорошо бы... – отвечаю я. – Может, добавить подзаголовок со словом «осознанное»? Процесс же осознанный? Ты в него включаешься? Или выключаешься?

Кэтрин смеется, закидывая голову.

– Тиффи, у тебя дурацкая работа! – Ласково похлопывает меня по руке и тянется за сумочкой. – Этот ваш Мартин... Передай ему, что я не буду давать мастер-класс ни на каком пароходе, если мне не предоставят очаровательную юную помощницу.

Тяжело вздыхаю. Все ясно. Кэтрин обожает таскать меня по мероприятиям, для которых нужна живая модель, чтобы продемонстрировать, как снимаются мерки. Однажды я совершила роковую ошибку, предложив свои услуги, когда она не могла никого найти. Теперь я ее палочка-выручалочка. Наши пиарщики так стараются затащить ее на подобные мероприятия, что стали донимать и меня.

– Еще чего – тащиться в такую даль! Ни в какой круиз я не поеду.

– Бесплатно! Люди тысячи фунтов за такое отваливают, Тиффи!

– Ты едешь только до острова Уайт, – напоминаю. Мартин уже ввел меня в курс дела. – И потом, в субботу. Я по выходным не работаю.

– Какая же это работа? – упорствует Кэтрин, собирая бумаги и в полном беспорядке запихивая их в сумочку. – Чудесная морская прогулка вместе с подружкой... Мной то есть. Мы же подружки?

– Я твой редактор! – отвечаю я и выталкиваю Кэтрин за дверь.

– Все-таки подумай, Тиффи! – невозмутимо бросает она через плечо. Замечает Мартина и добавляет: – Мартин, зайка, если она не согласится, то я – тоже! С ней и решай!

Кэтрин удаляется, и о визите ее напоминает лишь покачивание наших заляпанных пальцами стеклянных дверей.

Мартин поворачивается ко мне.

– Клевые ботинки! – говорит он с обаятельной улыбкой.

Вздрагиваю. Терпеть не могу этого Мартина из отдела по связям с общественностью. На совещаниях он щеголяет фразами вроде «претворим в жизнь» и щелчком пальцев подзывает

¹ Неумеха (англ.).

Руби, маркетингового директора, которую почему-то считает личным помощником. Мартину всего двадцать три, но он вбил себе в голову, что, если казаться старше, это поможет ему в беспардонном продвижении по карьерной лестнице. Вечно он над всеми подтрунивает и пристает к нашему директору с разговорами о гольфе.

А ботинки и правда великолепны. Фиолетовые, под «мартенсы», с белыми лилиями, на рисование которых у меня ушла почти вся суббота. От расставания с Джастином творчество мое определенно выиграло.

– Спасибо, – отвечаю я, незаметно пятясь к безопасной гавани рабочего стола.

– Лила сказала, ты ищешь жилье?

Замираю. С чего он вдруг? Не к добру, нутром чую.

– Мы с Ханой сдаем комнату. Решил сказать лично, хотя ты, наверное, уже видела объявление в «Фейсбуке». Кровать односпальная, но тебе же теперь без разницы. По дружбе – пятьсот в месяц, плюс коммунальные.

Хана – девица из отдела маркетинга, которая насмехается над моим вкусом.

– Спасибо огромное! Но я как раз кое-что нашла.

«Нашла» – громко сказано. Почти нашла. Господи, если не договорюсь с Л. Туми, то что? Придется жить с Мартином и Ханой? Это конечно слишком – я и так их вижу каждый день на работе. Не уверена, что моя и без того хлипкая решимость уйти от Джастина выдержит перспективу попыток сбежать от Мартина, донимающего меня задолженностью по квартплате, и Хану, разглядывающую мою заляпанную кашей пижаму с мультяшками.

– А, понятно. Значит, придется искать кого-то еще. – В глазах Мартина загорается хитрый огонек. – Можешь компенсировать, поехав с Кэтрин в...

– Нет.

Он театрально вздыхает.

– Господи, Тиффи, бесплатный круиз! Ты же из них не вылезашь!

Не вылезала. Раньше. Когда мой чудесный и теперь уже бывший бойфренд брал меня с собой. Мы плавали от одного Карибского острова к другому в солнечной дымке романтического блаженства. Бродили по европейским городам, а потом возвращались на корабль для фееричного секса на узкой койке в каюте. Наедались до отвала за шведским столом, валялись на палубе, глядя, как кружат в небе чайки, и болтали о наших будущих детях.

– Надоели мне круизы, – заявляю я и достаю телефон. – Прости, надо позвонить.

2. Леон

Телефон звонит как раз в тот момент, когда доктор Патель назначает лекарства Холли – девочке с лейкемией. Не вовремя. Очень не вовремя. Доктор Патель отнюдь не рада и этого не скрывает, но она, видимо, забыла, что я ночной дежурный и должен был уйти домой еще в восемь. А я здесь, с пациентами и сварливыми врачами вроде нее.

Звонок, естественно, сбрасываю. Надо не забыть прослушать потом голосовую почту и сменить мелодию звонка на что-то более традиционное. Не то чтобы музыке совсем нет места в лечебном заведении, но не всегда он кстати.

Холли: Почему ты не ответил? Как-то невежливо... Вдруг это твоя девушка? Та, с короткой стрижкой?

Доктор Патель: Невежливо – не выключить звук во время обхода. Хотя я вообще удивляюсь, что кто-то звонит ему в такую рань.

Она бросает на меня взгляд со смесью раздражения и любопытства.

Доктор Патель: Как ты, вероятно, заметила, Холли, наш Леон вообще не особо разговорчивый. У одного ординатора есть теория. Он говорит, что на каждую смену у Леона отмерено определенное количество слов и к утру они у него все заканчиваются.

Не устаю отвечать ей реплику.

Кстати, о девушке с короткой стрижкой – до сих пор не сказал Кей про комнату. Не успел. И еще, наверное, оттягиваю неизбежную ссору. Но сегодня надо обязательно позвонить.

Ночь прошла хорошо. Боль мистера Прайора утихла, и он начал рассказывать мне о парне, в которого влюбился в окопах: темноволосого обаяшку по имени Джонни Уайт, с точеными скулами голливудской звезды и огоньком в глазах. Судьба подарила им сложное, романтическое, покореженное войной лето и развела навсегда: Джонни Уайта с контузией отправили в госпиталь, и больше они не виделись. Мистер Прайор тогда очень рисковал, ведь гомосексуальность в армии не приветствовали.

Кофе уже не бодрит, я вконец умаялся, но после смены все же посидел еще немного с мистером Прайором. К нему никто не приходит, и он любит поболтать, когда есть возможность. Не смог от него улизнуть без очередного шарфа – четырнадцатого по счету. Вечно отказываться нельзя, да и мистер Прайор вяжет с такой скоростью, что можно было вообще не заводить промышленную революцию: он точно быстрее станка.

Читая старый выпуск «Шеф-повара», я перекусил неизвестно в какой раз разогретым жареным цыпленком и теперь слушаю голосовую почту.

«Привет, это Л. Туми? Ой, вы ведь не можете ответить, вечно забываю, что это автоответчик... Ладно, будем считать, что вы Л. Туми. Меня зовут Тиффи Мур, я звоню по объявлению. Вообще-то, мои друзья думают, что спать в одной постели – дико, даже если в разное время, но раз вам все равно, то и мне тоже. Честно говоря, я сейчас готова на что угодно ради дешевой квартиры в центре, и чтобы можно было въехать немедленно. [Пауза] О, черт, не на что угодно. Куча такого, что я не... Вы не подумайте... Не сейчас, Мартин, не видишь, я разговариваю!»

Кто такой Мартин? Ребенок? Эта говорливая женщина с эссекским акцентом хочет привести ко мне домой ребенка?

Слушаю дальше:

«Простите, мой коллега уговаривает меня поехать в круиз с немолодой дамой, которая будет рассказывать пенсионерам о вязании крючком».

Неожиданный поворот. Лучше, конечно, чем ребенок, но все равно много вопросов.

«Короче, перезвоните или напишите мне, если комната еще свободна. Обещаю не мешаться под ногами. А еще я супераккуратная и пока не отвыкла готовить на двоих, так что, если любите домашнюю еду, могу вам оставлять».

Диктует номер. Спыхватываюсь и едва успеваю записать его на бумажке.

Она уже действует мне на нервы. Да еще и женщина, а это может напрячь Кей.

Впрочем, кроме нее позвонили всего двое: один спросил, как я отношусь к ручным ежикам – ответ: хорошо, только не у меня в квартире, – а второй – явно наркодилер, за время разговора успел предложить мне дозу. Дополнительные триста пятьдесят фунтов в месяц мне нужны, иначе не смогу платить Сэлу без помощи Кей. Плюс, пересекаться с этой болтушкой все равно не буду. Я буду дома, только когда она на работе.

Пишу ей:

Привет, Тиффи. Спасибо за сообщение. Может, встретимся и обсудим условия? В субботу утром, например. Пока. Леон Туми

Вежливое сообщение нормального человека. Поборол желание спросить про круизный план Мартина, почему-то любопытно.

Отвечает почти мгновенно:

Привет! Отлично! Тогда у тебя часов в десять?

Лучше в девять, а то я засну! До встречи. Адрес в объявлении. Пока. Леон

Ну вот, готово. Триста пятьдесят фунтов в месяц, считай, уже в кармане. Осталось сказать Кей.

3. Тиффи

Ну, естественно, меня разбирает любопытство, и я забиваю его имя в «Гугле». Леон Туми – редкое имя, и я нахожу его «Фейсбук», не прибегая к сомнительным шпионским приемчикам, которыми пользуюсь, переманивая молодых авторов из других издательств.

Он совсем не в моем вкусе, что, безусловно, упрощает дело – например, если Джастин когда-нибудь столкнется с Леоном, вряд ли расценит его как угрозу. У него загорелая кожа и довольно длинные густые вьющиеся волосы, которые он заправляет за уши. По мне, слишком нескладный: острые локти, худая шея в широком воротнике. Хотя в целом производит хорошее впечатление – на всех фотографиях милая кривоватая улыбка, совсем не страшная и не кровавая. Если специально выискивать недобрые признаки, любой человек покажется убийцей с топором, так что сразу гоню подобные мысли. Он скорее дружелюбный и неагрессивный.

Однако теперь я точно знаю, что он мужчина.

Готова ли я делить постель с мужчиной? Даже с Джастином бывало кошмарно. Он продавил матрас со своей стороны и после спортзала далеко не всегда принимал душ, так что его половина порядком пропахла потом... Я всегда следила за тем, чтобы случайно не перевернуть одеяло и не оказаться под его вонючим углом.

И все же. Триста пятьдесят фунтов в месяц. И я его, собственно, даже видеть не буду... – Тиффани!

Вскидываю голову. Вот чума! Рейчел! Знаю, что ей нужно. Рукопись чертовой кулинарной книжки «Ладушки-оладушки».

– Не пытайся улизнуть на кухню или притвориться, что говоришь по телефону, – грозит Рейчел через цветочно-горшочную стену.

Вот и работай с друзьями: по пьянке выбалтываешь им свои уловки, а потом остаешься абсолютно беззащитным.

– О, новый образ! – восклицаю я в отчаянной попытке сменить тему.

Прическа у нее сегодня и правда супер. Как обычно, косички, но тонюсенькие и переплетенные ярко-бирюзовой лентой.

– Как ты их заплетаешь?

– Не льсти моим гениальным способностям, Тиффани Мур. – Рейчел постукивает по моему столу, на ногтях у нее – идеальный маникюр в горошек. – Когда я получу рукопись?

– Надо еще немного времени... – Накрываю бумаги руками, не дай бог увидит номера страниц – я не дошла даже до десятой.

Рейчел прищуривается.

– До четверга?

С живостью киваю. Естественно, я не успею – просто нереально, – однако про пятницу гораздо лучше заикаться в четверг. Тогда и скажу.

– И давай сходим куда-нибудь сегодня после работы.

Задумываюсь. Предполагается, что на этой неделе я пай-девочка и ничего не трачу, ввиду нависших над моей головой долгов, но вечера с Рейчел всегда классные, и, честно говоря, развеяться не помешает. Кроме того, с похмелья она не станет особо препираться в четверг по поводу рукописи.

– А давай.

Пьяный чувак номер один – эмоциональный тип. Из тех, что размахивают руками независимо от наличия соседей справа и слева. В этот раз попало большой искусственной пальме, подносу с самбукой и известной украинской модели. Все движения преувеличены, даже его походка – словно в такт какой-то детской песенки.

Пьяный чувак номер два – лицемер. Пока слушает тебя, на лице не дрогнет ни мускул, как будто «покер фей» – доказательство его трезвости. Иногда довольно убедительно кивает, однако неестественно редко моргает. И на грудь пялится гораздо откровеннее, чем ему кажется.

Интересно, что они думают о нас с Рейчел? Подошли к нам первыми, хотя не уверена, хорошо ли это. Когда я жила с Джастином и ходила с Рейчел в клуб, он всегда напоминал, мол, мужчины видят «чужаковатую девчонку» и думают, что она «отчаялась и на все согласна». Обычно он прав. Интересно, в самом ли деле подцепить мужика легче странной девушке, чем дерзкой девице из группы поддержки на спортивных матчах. Странная кажется более доступной, и никому не придет в голову, что у нее уже есть парень – оттого-то, наверно, Джастин и не любил, когда мы с Рейчел ходили по клубам.

– Книжки про то, как печь торты? – спрашивает номер два, желая продемонстрировать, что умеет слушать и, как упоминалось выше, не пьян.

Ну скажите, зачем пить самбуку, если намерен притворяться, будто всю ночь ни капли в рот не брал?

– Ага! – отвечает Рейчел. – Или мастерить полки, или шить одежду, или... Ну вот чем ты увлекаешься?

Она уже достаточно выпила и вполне может счесть номер два симпатичным, хотя я все-таки подозреваю, что окучивает она его, главным образом, чтобы дать мне возможность заняться номером один. Из них двоих я определенно предпочитаю первого – он высокий. Рост всегда вопрос номер один. Я – метр восемьдесят, и, хотя лично меня не смущает, если мужчина ниже, они часто тушуются. Ну и на кой мне парень, которого это напрягает – полезный фильтр.

– Чем я увлекаюсь? – переспрашивает пьяный чувак номер два. – Люблю ходить в бары с неприличными названиями и дорожкой выпивкой и танцевать с красивой девчонкой.

Неожиданно его лицо озаряет улыбка, несколько более пьяная, чем задумывалось, однако на удивление приятная.

Рейчел явно того же мнения. Она кидает взгляд в мою сторону и оценивает ситуацию между мной и номером один.

Я же смотрю на номер первый и размышляю. Высокий, с широкими плечами и сексуальной сединой на висках. Лет, наверное, тридцать пять. Если прищуриться или притушить свет, будет смахивать на Джорджа Клуни в девяностые.

Нравится ли он мне? Если да, можно переспать. Когда ты одинока, это разрешается.

Странно все это конечно.

После Джастина я ни разу не думала о других мужчинах. Когда ты одна и постоянного секса нет, то освобождается вагон времени, которое прежде уходило не только на сам процесс, но и на бритье ног, покупку красивого белья, размышления о том, делают ли другие женщины депиляцию воском в зоне бикини и так далее. Это очевидный плюс. Конечно, тебе плохо от отсутствия крайне важного аспекта взрослой жизни, но успеваешь зато гораздо больше.

Разумеется, я помню, что мы с Джастином уже три месяца как расстались, и, теоретически, я могу спать, с кем хочу... Но все равно думаю о Джастине... Что бы он сказал... Как бы взбесился. И хотя, по логике вещей, секс возможен, но, понимаете, не совсем. У меня в голове – пока нет.

Рейчел мгновенно это просекает.

– Извини, приятель, – похлопывает она по руке номер два. – Прямо сейчас мне хочется танцевать с подругой.

Она царапает свой номер на салфетке – и откуда только взяла ручку? волшебница, да и только – и тащит меня в центр танцпола, где музыка бьет по ушам так, что барабанные перепонки вот-вот лопнут.

– А ты какая, когда напьешься? – спрашивает Рейчел, пока мы неприлично двигаем бедрами.

– Такая... вдумчивая! – ору я в ответ. – Слишком здравомыслящая, чтобы просто переспать с тем красавчиком.

Рейчел берет у проходящей мимо официантки рюмку и протягивает ей деньги.

– Пока ты еще явно не достаточно выпила. – Она передает мне вторую рюмку. – Будь ты хоть трижды редактор, ни одна пьяная девчонка не выговорит слово «здравомыслящая».

– Помощник редактора, – напоминаю я и опрокидываю в себя пойло.

«Ягер-бомб». Поразительно: нечто столь мерзкое, что от одного лишь послевкусия на следующее утро подкатывает тошнота, в клубе кажется восхитительным.

Рейчел весь вечер меня спаивает и флиртует направо и налево, всех симпатичных она подпихивает мне. Что бы она ни говорила, я уже прилично набралась. Перед глазами мелькают танцующие люди и подносы с яркими напитками.

И лишь когда появляются Мо и Герти, я начинаю догадываться – гулянка затеяна неспроста.

У Мо вид человека, которого вытащили в клуб в последний момент. Борода торчит набок, будто он спал и не привел себя в порядок, а заношенную футболку я помню еще с универа – хотя теперь она уже не болтается на нем так, как раньше. Герти, как всегда, надменно красива: без макияжа, волосы забраны наверх, как у балерины, – трудно сказать, собиралась ли она сюда заранее, ибо не красится никогда и одета безупречно в любой ситуации. Добавила в последнюю минуту каблук к джинсам в обтяжку – и дело готово.

Они пробираются на танцпол. Точно – Мо сюда приходить не планировал, он не танцует. Хотя обычно без танцев не обходится. Зачем же они заявили на нашу с Рейчел спонтанную гулянку посреди недели? Ее они едва знают – пересекались несколько раз на вечеринках, но не дружат. Собственно, Герти и Рейчел пребывают в состоянии вялотекущей вражды двух альфа-самок и при встрече неизменно устраивают склоку.

«У меня сегодня день рождения? – пьяно соображаю я. – Или они приготовили сюрприз?»

Поворачиваюсь к Рейчел.

– Что за...

– Столик! – командует она, указывая на кабинки в глубине зала.

Герти довольно убедительно скрывает раздражение от того, что приходится сменить курс, в то время как она только-только пробила к нам.

Чую неладное. Однако сейчас у меня кульминация опьянения, так что я с готовностью задвигаю тревожные мысли подальше, надеясь, что мне, по меньшей мере, сообщат про оплачиваемый месячный отпуск в Новой Зеландии.

Но нет.

– Тиффи, я не знала, как тебе сказать, – начинает Рейчел, – и не придумала ничего лучше, чем напоить тебя, напомнить, как приятно флиртовать с мужчинами... ну и позвать группу поддержки. – Берет меня за руки. – Тиффи, Джастин скоро женится.

4. Леон

Разговор по поводу квартиры зашел совсем не туда – Кей разошлась не на шутку. Почему? Расстроилась, что кроме нее в моей постели будет спать кто-то еще? Но она все равно у меня не ночует. Терпеть не может темно-зеленые обои и соседей-пенсионеров. Твердит, что я провожу «со стариками слишком много времени». Мы всегда встречаемся у нее – светло-серые стены, крутая молодежь вокруг.

Утомительный спор заходит в тупик. Кей требует, чтобы я удалил объявление и отказал женщине из Эссекса, а я стою на своем. Это лучший доступный мне способ дополнительного заработка, не считая лотереи, которую нельзя учитывать при планировании. Не хочу снова занимать эти чертовы триста пятьдесят фунтов. Кей сама говорила: нашим отношениям такое не на пользу.

Раз сама говорила, то в конце концов согласится.

Долгая ночь. Холли не могла уснуть; играли в шашки. Поднимает руку и, прежде чем взять фигуру, водит ею над доской, словно колдует. Техника манипуляции – противник, вместо того чтобы обдумывать следующий ход, следит за ее действиями. И где только семилетняя девчушка такого набралась?

Спрашиваю.

Холли: Ты неискушенный, Леон, да?

Говорит «неискушенный», с ударением на «у». Должно быть, впервые произносит вслух, вычитала в книжках.

Я: Вообще-то я очень даже многоопытный, Холли. Спасибо на добром слове.

Она окидывает меня снисходительным взглядом.

Холли: Не расстраивайся, Леон. Просто ты слишком хороший. Люди, наверное, вытирают о тебя ноги. Как о коврик.

Тоже где-то слышала. Вероятно, от отца, который заходит раз в две недели в дорогом сером костюме и приносит с собой первые попавшиеся сладости и кислый запах сигарет.

Я: Быть хорошим не плохо. Можно быть сильным и хорошим. Не обязательно или то, или другое.

Снова покровительственный взгляд.

Холли: Понимаешь... Вот Кей сильная, а ты хороший.

Разводит руками с выражением «такова жизнь».

Ошарашен. Не подозревал, что она знает имя Кей.

Едва захожу домой, звонит Ричи. Кидаюсь к телефону – знаю, что это он, по городскому никто больше не звонит – и стукаюсь головой о низкий подвесной светильник на кухне. Самый неприятный предмет в квартире, во всем остальном просто великолепной.

Потираю лоб. Закрываю глаза. Вслушиваюсь в голос Ричи, ища в нем дрожь или другие намеки на то, как он на самом деле себя чувствует. Хочу услышать настоящего, живого, дышащего Ричи, с которым пока еще все в порядке.

Ричи: «Расскажи что-нибудь хорошее!»

Сильнее сжимаю веки. Значит, выходные прошли неважно. В субботу и воскресенье всегда тяжело – меньше прогулок. Он похож на приуныл. Сужу по акценту: немного Лондон, немного Корка – когда он грустит, Ирландия в речи звучит явственнее.

Рассказываю о Холли – о ее талантливой игре в шашки и обвинениях в «неискушенности».

Ричи слушает, и тут неожиданный вопрос.

Ричи: Она умрет?

Сложно... Люди не всегда понимают: дело не в том, умрет ли человек или нет. Хоспис – это не только место, чтобы тихо угаснуть, многим как раз становится лучше, и они возвращаются домой. Суть в том, чтобы в период неизбежного страдания сделать жизнь комфортней.

Но Холли... Да, может умереть. Она очень больна. Очаровательная, не по годам развитая и больная.

Я: В ее возрасте лейкоemia неплохо поддается лечению.

Ричи: Не надо статистики. Давай лучше хорошую историю.

Улыбаюсь, вспоминая, как в детстве, когда месяц не работал телевизор, мы разыгрывали на двоих сюжет «Соседей». Ричи всегда любил хэппи-энды.

Я: Она поправится. Вырастет и станет ... программистом. Применит свои шашечные таланты, чтобы с помощью цифровых технологий разработать новые продукты питания, от которых не будет голода, и Боно² на Рождество придется искать себе другое занятие.

Ричи смеется. Негромко, однако достаточно, чтобы узел у меня в животе отпустило.

Молчим. Может, по-братски, а может, за неимением более выразительных слов.

Ричи: Здесь ад, чувак.

Слова бьют под дых. В последний год слишком часто ощущаю эту связь между нами – и этот удар кулаком.

Я: До апелляции совсем чуть-чуть, дело движется. Сэл говорит...

Ричи: Брось! Сэлу надо платить. Я не вчера родился, Лео. Это нереально.

Говорит мрачно, медленно, невнятно.

Я: Что за дела? Разуверился в старшем брате? Ты же сам говорил мне, что я стану миллиардером!

Чувствую, что он невольно улыбается.

Ричи: Ты и так сделал достаточно.

Нет. Такого не бывает. Не бывает достаточно, не в этом случае. Хотя я и не раз желал поменяться с Ричи местами, чтобы избавиться от страданий.

Я: У меня план, как раздобыть денег. Тебе понравится.

Какой-то шум.

Ричи: Сейчас. Дайте еще секунду...

Приглушенные голоса. Сердце у меня колотится. Когда говоришь с ним по телефону и слышно только нас двоих, легко представить, что он в тишине и безопасности. Да только он там, на тюремном дворе, и за ним очередь. Предпочел телефонный звонок единственному шансу принять душ или получасу прогулки.

Ричи: Надо идти, Лео. Обнимаю.

Гудки в трубке.

Суббота, половина девятого. Даже если выйти прямо сейчас, опоздаю. А я и не выхожу. По мнению доктора Патель, я сейчас должен менять постельное белье в палате «Море»; по мнению медсестры из палаты «Кораллы», брать на анализ кровь у мистера Прайора; по мнению врача-ассистента Соки, помогать ей с умирающим в палате «Ламинария».

Побеждает Сока. На бегу звоню Кей.

Кей: Опять застрял на работе?

Слишком запыхался, чтобы объяснять. Палаты чересчур далеко друг от друга, и в случае чрезвычайных ситуаций приходится бежать. Попечительскому совету хосписа надо бы раскошелиться на перепланировку.

Кей: Ничего. Давай я встречу с той девушкой вместо тебя.

² Боно – ирландский рок-музыкант, известный своей гуманитарной деятельностью.

Спотыкаюсь от удивления. Я конечно хотел сам ее об этом попросить, – потому и не звоню эссекской женщине с просьбой отменить встречу, – но что-то Кей подозрительно сговорчива...

Кей: Видишь ли, мне не нравится идея сдавать квартиру, но я понимаю, тебе нужны деньги. Короче, чтобы мне не волноваться, я все беру на себя. Побеседую с этой Тиффи, обговорю условия. Чтобы тебе даже пересекаться не пришлось с непонятно какой женщиной, которая будет спать в твоей постели. Может тогда мне эта затея уже не будет казаться такой странной, и тебе не надо будет напрягаться. У тебя на это и времени нет.

Сердце сжимается. От любви? Или просто судороги? На этой стадии отношений сказать трудно. И тем не менее.

Я: Ты... ты уверена?

Кей, твердо: Да. Я так решила. И никакой работы по выходным, о'кей? Выходные – для меня.

Справедливо.

Я: Спасибо. Спасибо. И если не сложно, скажи ей про...

Кей: Да-да, сказать про чудика из пятой квартиры и предупредить насчет лис.

Определенно, сжимается от любви.

Кей: Напрасно ты думаешь, что я никогда тебя не слушаю.

До палаты «Ламинария» бежать еще добрую минуту. Не рассчитал силы, будто новичок. Ошеломлен жуткой напряженностью смены: умирающими, пролежнями, лукавыми пациентами с деменцией – и забываю про элементарные правила выживания в хосписе. Рысью, а не галопом. Всегда знай, сколько времени. Не теряй свою ручку.

Кей: Леон, ты что?

Забыл, что надо ответить. Только пыхтел. Наверное, звучало зловеще.

Я: Спасибо. Люблю тебя.

5. Тиффи

Раздумываю, не надеть ли темные очки. Нет, в них я буду смахивать на диву, а на дворе февраль все-таки. Кому нужна соседка-дива?

Хотя, еще вопрос, что хуже: дива или павшая духом дамочка, которая рыдала два дня подряд.

Напоминаю себе, что соседкой, по большому счету, и не буду, – нам с Леоном жить вместе и не придется. Какое ему дело, даже если я на досуге реву белугой?

– Пиджак! – командует Рейчел.

Не настолько я еще пала, чтобы меня одевали, но Рейчел вчера осталась ночевать, а если она здесь, значит, возьмет дело в свои руки. Даже если «дело» – всего-навсего облачить меня утром в мои же шмотки.

Я не в силах протестовать. Надеваю пиджак. Вообще-то я его люблю. Сшила из гигантского вечернего платья, которое откопала в благотворительном магазине, – распорол и пере-кроила, оставив вышивку так, что фиолетовые блески и бисер украшают правое плечо, спину и лиф под грудью. Смахивает на костюм конференсье в цирке, но сидит идеально, и, как ни странно, бисер под грудью выгодно подчеркивает талию.

– Разве я тебе его не подарила? – Хмурюсь. – Прошлым летом, кажется...

– Чтобы ты с ним рассталась?! – Рейчел гримасничает. – Знаю, ты меня любишь, но, ей-богу, на свете нет человека, ради которого ты бы пошла на такую жертву.

Это правда. Я в полном раздрае и плохо соображаю. Хотя сегодня мне не все равно, что надеть. Вот когда напяливаю первое попавшееся – дело дрянь. И, кстати, окружающие сразу замечают: с моим специфическим гардеробом любой непродуманный наряд сразу бросается в глаза. В четверг я наделала шума, явившись на работу в горчичных вельветовых брюках, кремовой блузке с оборками и длинном зеленом кардигане, – когда зашла на кухню, у Ханы из отдела маркетинга случился приступ кашля – она как раз отхлебнула кофе. К тому же никто не может взять в толк, с чего я вдруг расклеилась. Думают: «И что она опять ревет? Джастин же ушел давным-давно».

Они правы. И я понятия не имею, почему отношения Джастина с другой женщиной до сих пор меня так задевают. Я твердо решила, что в этот раз точно съеду. Я вообще-то и не хотела, чтобы он на мне женился. Просто думала, что он вернется... Раньше так всегда и случалось: он уходил, хлопал дверью, игнорировал меня, не отвечал на звонки, а потом сознавал свою ошибку и, в тот момент, когда я свыкалась с мыслью о нашем разрыве, вдруг протягивал руку и звал в какое-нибудь удивительное приключение.

Но на сей раз это ведь конец, да? Он женится. Это... Это...

Рейчел молча передает мне салфетки.

– Придется заново краситься, – бормочу я.

– Нет, некогда! – Рейчел показывает мне часы на экране телефона.

Ох черт! Половина девятого. Если не выйду прямо сейчас, опоздаю, а этого допустить никак нельзя – если мы намерены жить по сменному графику, надо продемонстрировать Леону, что я хотя бы понимаю, что показывают часы.

– Очки? – спрашиваю я.

– Очки, – кивает Рейчел и протягивает их мне.

Хватаю сумочку и бегу к двери.

Колеса электрички стучат по туннелям Северной линии. Замечаю в оконном стекле свое отражение и перестаю сутулиться. Выгляжу я хорошо. Мутное, исцарапанное стекло тут на руку – вроде фильтра в «Инстаграм». Я в своем любимом наряде, чистые волосы горят медью, и, хотя всю подводку я, вероятно, уже проплакала, помада в порядке.

Вот она я. И я справлюсь. Отлично справлюсь сама.

Такое настроение держится до Стоквелла. У выхода со станции какой-то мужик орет из машины: «Убери свою задницу!» – и этого внезапного хамства достаточно, чтобы с размаху швырнуть меня в прежнюю Тиффи – с дерьмовой жизнью и разбитым сердцем. Расстраиваюсь настолько, что даже не указываю ему на анатомические сложности, которые возникли бы, попытайся я выполнить его просьбу.

Минут через пять подхожу к нужному дому. Думая о том, что вот-вот обрету новое жилище, тщательно вытираю слезы и осматриваюсь. Типичное приземистое кирпичное строение с двориком, поросшим унылой лондонской травой. Для каждого жильца – парковочное место, на одном навалено безумное количество ящиков из-под бананов.

Звоню в третью квартиру и вдруг замечаю движение со стороны мусорных баков. Лиса. Замерла и нагло смотрит, приподняв лапу. Впервые вижу лисицу так близко – какая-то облезлая и гораздо более неприглядная, чем рисуют в книгах. Лисы же хорошие, да? Такие хорошие, что теперь нельзя убивать их забавы ради, даже если ты аристократ на лошади. Замок плачет и открывается; захожу в подъезд.

Вокруг все очень коричневое: ковер, стены цвета печенья. Ладно, пустяки – главное, как оно в квартире.

Стучусь в дверь и почему-то сильно волнуюсь. Да я почти в панике. Я серьезно готова делить кровать с незнакомцем? Съехать от Джастина?

О господи! Может, Герти права, и это чересчур? Представляю, как возвращаюсь в квартиру Джастина, где все сияет хромом и белизной и дышит надеждой на его возвращение. От этих мыслей кружится голова. Но, надо сказать, картинка уже и не столь заманчива. Видимо, две недели назад, в четверг в одиннадцать вечера, квартира изменилась. И я вместе с ней.

Я стараюсь особо не думать об этом. Я слишком далеко зашла и теперь не отступлюсь.

Эта квартира обязана мне понравиться, у меня просто нет выбора. И потому, когда дверь открывает не Леон, я уже настолько прониклась решимостью, что принимаю это как должное. Даже не удивляюсь.

– Привет!

– Здравствуйте, – отвечает женщина в дверях.

Невысокая, со смугло-оливковой кожей и растрепанной мальчишеской стрижкой, которая делает девушек с небольшой головой похожими на французенок. Рядом с ней я настоящий бегемот.

Шагаю через порог, чувствуя на себе оценивающий взгляд. Изучаю обстановку – о, темно-зеленые обои, настоящие, семидесятых годов! – однако от пристального внимания женщины мне неуютно. Поворачиваюсь и смотрю на нее в упор.

Ага. Его подружка. По лицу ясно читается: «Я боялась, что придет эффектная цыпа, устроится в постели моего парня и уведет его, но сейчас понимаю, что на эту он никогда не клонет. Так что да! Милости просим!»

Теперь она улыбается. Ну и славно, мне плевать. Главное – получить это жилье. Пренебрежением ей меня отсюда не выкурить, она и понятия не имеет, как отчаянно мне нужно жилье.

– Я Кей, девушка Леона. – Протягивает руку.

Крепкая хватка.

– Я так и поняла, – улыбаюсь, чтобы разрядить обстановку. – Приятно познакомиться. А Леон в... – Киваю в сторону спальни. Он или там, или в гостиной, один угол которой отведен под кухню. Другого места тут, собственно, и нет. – ... в ванной? – пытаюсь угадать, видя, что в спальне пусто.

– Леон застрял на работе, – говорит Кей, приглашая меня в гостиную.

Минималистично и немного обшарпано, но чисто. Везде обои семидесятых годов – и они мне действительно нравятся! В кухне висит низкий светильник. Шикарный, хоть и не очень вписывается в интерьер; диван обит потертой кожей, телевизор выдернут из розетки, но, кажется, в рабочем состоянии, и ковер недавно пылесосили. Многообещающе.

Может, все выйдет неплохо. Или даже круто. Перед мысленным взором проносятся картинки: я бездельничаю на диване, готовлю что-то на кухне... От мысли, что все это будет в моем распоряжении, хочется прыгать. Но я сдерживаюсь – Кей вряд ли оценит спонтанные пляски.

– То есть мы с Леоном не встретимся? – С тревогой вспоминаю первое правило Герти.

– Ну, когда-нибудь, полагаю... Но дела веду я. Занимаюсь всем, что касается квартиры. Вы с Леоном будете здесь в разное время – квартира ваша с шести вечера до восьми утра в будни и все выходные. Пока договоримся на полгода. Подходит?

– Да, отлично... А Леон не придет неожиданно? Например, когда не на работе?

– Абсолютно исключено! – заявляет Кей, всем своим видом показывая, что уж она-то об этом позаботится. – С шести вечера до восьми утра квартира в вашем единоличном распоряжении.

– Отлично!

Медленно выдыхаю, пытаюсь унять радостный переполох внутри, и проверяю ванную. Сантехника чистенькая и снежно-белая; темно-синяя занавеска для душа, несколько бутылок с загадочными мужскими кремами и лосьонами и поцарапанное, но вполне годное зеркало. Великолепно!

– Я согласна. Если я вас устраиваю...

Не сомневаюсь, что Кей скажет «да», если она тут действительно все решает. А я это сразу поняла по ее взгляду в прихожей: как бы ни представлял себе Леон идеальную квартирантку, у Кей критерий один – «приемлемо некрасивая». И я совершенно очевидно попадаю под это определение.

– Чудесно, – отвечает Кей. – Я позвоню Леону.

6. Леон

Кей: Она – идеальный вариант.

Еду в автобусе и моргаю. Приятнейшее медленное моргание, по сути – короткая дрема между взмахами ресниц.

Я: Правда? Не назойливая?

Кей, с раздражением в голосе: А какая разница? Опрятная, аккуратная и может въехать хоть сейчас. Если ты решил сдавать квартиру, то лучше и не придумаешь.

Я: И ее не остановил странный сосед из пятой квартиры и лисий выводок?

Недолгая пауза.

Кей: Она не сказала, что это проблема.

Чудесное медленное движение век. Очень медленное. Но надо осторожнее – а то проснусь на конечной остановке, и придется пилить обратно. В конце долгой рабочей недели всегда рискуешь.

Я: И какая она?

Кей: Странноватая... Колоссальная... Явилась в огромных солнечных очках в роговой оправе, хотя на дворе зима, и разрисованных цветами ботинках. Но главное – она на мели и рада такому дешевому варианту!

«Колоссальная» на языке Кей означает «с лишним весом». Не люблю, когда она так говорит.

Кей: Слушай, ты же уже едешь? Давай поговорим дома.

Я собирался поприветствовать Кей традиционным поцелуем, переодеться, выпить воды, рухнуть в постель и заснуть на веки вечные.

Я: Может, вечером, когда я высплусь?

Молчание. Причем крайне раздраженное. Я специалист по молчаниям Кей.

Кей: То есть ты придешь – и тут же в кровать?

Прикусываю язык и борюсь с искушением дать ей подробнейший отчет о прошедшей неделе.

Я: Могу не тут же, если надо поговорить.

Ясно, сразу лечь не выйдет. Надо по максимуму воспользоваться дремой между морганиями, пока автобус едет в Ислингтон.

Ледяной прием Кей. А я тут же делаю оплошность – упоминаю брата, – что еще больше понижает градус между нами. Наверное, сам виноват. Всякий раз, говоря о нем с Кей, вспоминаю ту ссору, будто при упоминании Ричи воспроизводится одна и та же запись.

Кей занята «зужином» – помесь завтрака и ужина, которая подходит желудкам дневных и ночных существ. А я снова твержу себе: помни, как ссора закончилась – Кей извинилась.

Кей: Ты так и не спросишь меня насчет выходных?

Тупо гляжу на нее, не понимая, что должен ответить. После долгой ночной смены трудно поддерживать разговор: чтобы просто открыть рот и сформулировать внятную мысль, требуется усилие, точно поднимаешь гирю. Или как во сне, когда надо бежать, а ноги не двигаются, будто увязли в патоке.

Я: А что выходные?

Кей застывает со сковородой в руке. Она такая хорошенькая на фоне кухонного окна в зимнем солнечном свете.

Кей: Где ты собираешься их проводить, когда въедет Тиффи?

А, ясно...

Я: Надеялся, что здесь. Ты же сама говорила: выходные – для тебя.

Кей улыбается. Чувствую удовлетворение оттого, что выдал правильный ответ, но следом за ним укол беспокойства.

Кей: Я и сама знаю, что ты собирался проводить выходные здесь. Просто хотелось услышать от тебя.

Видит мое озадаченное лицо.

Кей: Обычно ты на выходных у меня случайно, а не потому, что такой у нас план на жизнь.

Слово «план» в сочетании «на жизнь» как-то мне не нравится. Сосредоточенно поглощаю омлет. Кей кладет руку мне на плечо, проводит туда-сюда пальцами по шее и легонько подергивает волосы.

Кей: Спасибо.

Чувствую вину, хотя, строго говоря, я ее не обманываю. Я действительно полагал, что буду здесь все выходные. Только не думал об этом в таком ключе. Как о «плане на жизнь»...

Два часа ночи. Когда я только начал работать в хосписе, дома это время суток казалось бесполезным – сидел без сна и ждал рассвета. Теперь люблю – ватная тишина, в то время как остальной Лондон спит или свински напивается. Я беру любую доступную ночную смену – за них больше платят. Исключение – суббота и воскресенье, обещал Кей не работать. Плюс это единственный приемлемый вариант сдачи квартиры. Теперь, когда работаю пять дней в неделю, можно окончательно перейти на ночной образ жизни.

Обычно я использую это время, два часа ночи, чтобы писать Ричи. Ему не разрешают часто звонить, но писем можно получать сколько угодно.

В прошлый вторник исполнилось ровно три месяца после вынесения приговора. Как отмечать эту годовщину? Поднять бокал? Сделать очередную зарубку на стене?

Брат, учитывая обстоятельства, держится молодцом. Хотя Сэл обещал его вытащить уже к февралю, так что сейчас грустно вдвойне.

Сэл, надо полагать, делает все, что может. Сыплет заумными словечками, ходит с дипломом, уверен в себе. Типичный адвокат, вроде как... Однако Ричи невиновен, но сидит в тюрьме, а ошибка следует за ошибкой. Например, неожиданный обвинительный приговор. Так что не могу удержаться от чувства обиды на адвоката.

С другой стороны, какие еще варианты? Никто не горит желанием защищать Ричи за маленький гонорар. Никто не знает так хорошо его дело, никто не готов ехать к нему в тюрьму... Искать замену Сэлу нет времени. С каждым днем брат все больше отдаляется от меня.

И говорить с Сэлом, бесконечно и изнурительно его вызванивать, приходится мне, а не маме. Она только кричит и высказывает претензии. А Сэл обидчивый, у него легко отбить желание вообще что-то делать.

Зря я сейчас думаю об этом. Два часа ночи не подходят для размышлений на юридические темы. Хуже времени и не придумать. Если полночь – час ведьм, то два пополуночи – время для размышления.

Чтобы отвлечься, вбиваю в строку поиска имя Джонни Уайта, давнюю любовь мистера Прайора, того самого, с голливудскими скулами.

Джонни Уайтов много. Один – звезда канадской танцевальной музыки. Другой – американский футболист. Оба во время Второй мировой еще не родились и не влюблились в приятных английских джентльменов.

И все-таки интернет же именно для этого и придумали.

Пробую «Джонни Уайт список погибших» и чувствую, будто предаю мистера Прайора, допуская мысль, что Джонни мертв. Натякаюсь на сайт «Найди погибших». Сначала это немного пугает, но потом мне приходит в голову, что это ведь удивительная штука – вроде

виртуальных могил. Никто не забыт. Поиск по имени, полку, войне, дате рождения... Пишу «Джонни Уайт» и «Вторая мировая война». Больше ничего не знаю.

За Вторую мировую в вооруженных силах погибло семьдесят восемь человек с таким именем.

Откидываюсь на стуле. Тупо гляжу на список. Джон. К. Уайт. Джеймс Дадли Джонатан Уайт. Джон Уайт. Джон Джордж Уайт. Джон Р. Л. Уайт. Джонатан Реджинальд Уайт. Джон...

Хватит. Внезапно приходит уверенность, что обаятельный Джонни Уайт мистера Прайора погиб, и я жалею, что нет подобного сайта для тех, кто воевал, но выжил. Приятно было бы. Перечень уцелевших. Поражаюсь жестокости человека и его склонности к чудовищному массовому истреблению себе подобных.

Кей: Леон! Твой пейджер! Мне прямо в ухо!

Бросаю ноутбук на диване, предварительно кликнув «печать», и открываю дверь в спальню, где Кей лежит на боку с одеялом на голове и держит в поднятой руке пейджер.

Хватаю пейджер. Хватаю телефон. Я выходной, однако по пустякам вызывать не станут.

Сока, врач-ассистент: «Леон, Холли!»

Сую ноги в туфли.

Я: Совсем плохо?

Ключи! Ключи! Где ключи?

Сока: Инфекция, анализы плохие. Зовет тебя. Я не знаю, что делать, Леон. Доктор Патель не отвечает на пейджер, ординатор катается на лыжах, а Джун не смогла организовать замену...

Ключи отыскались на дне корзины для белья. Гениальное место. Бросаюсь к двери, Сока сообщает уровень лейкоцитов в крови. Шнурки болтаются...

Кей: Леон! Пижаму сними!

Черт! А я-то думал, что собрался быстрее обычного.

7. Тиффи

В новой квартире, скажем так, тесновато... хоть и уютно.

– Не развернешься, – подтверждает Герти, стоя в единственном свободном уголке спальни. – Не развернешься.

– Мне нравится эклектичный стиль! – протестую я, расправляя прелестное покрывало с цветными разводами, которое откопала прошлым летом на рынке в Брикстоне.

Я бодрюсь изо всех сил: сборы и отъезд из квартиры Джастина были ужасны, сюда добирались вчетверо дольше, чем обещал навигатор, а подъем всего моего добра по лестнице стал пыткой. К тому же пришлось выдержать долгий разговор с Кей, принесшей ключи, хотя все, чего мне хотелось, – рухнуть где-нибудь и отдышаться. Не самый веселый день.

– А ты обсуждала с Леоном, что переедешь с вещами? – осведомляется Мо, пристраиваясь на краешке кровати.

Хмурюсь. Конечно, с вещами! Такое разве обсуждают? Я теперь живу здесь – значит, мое барахло живет вместе со мной. Где же еще? Отныне это мой дом.

Однако теперь я по-настоящему осознаю, что делю спальню еще с кем-то, и у этого кого-то имеется его барахло, которое до сегодняшнего дня занимало почти всю комнату. Вместить сюда мои пожитки оказалось непросто. Отчасти я вышла из положения, используя другие места в квартире – так куча моих подсвечников поселилась на краю ванны, а чудная лавовая лампа отлично устроилась в гостиной. И все равно не помешало бы Леону разгрести завалы. Притом заранее. Обыкновенная вежливость, он же знал, что я приеду.

Наверное, стоило кое-что отвезти к родителям. Большая часть моих вещей, пока я жила у Джастина, хранилась у него в чулане, и вчера вечером было так приятно извлечь все это на свет божий. Рейчел пошутила, что я радуюсь лампе, как Энди, который нашел Вуди в мультфильме «История игрушек». Если честно, я и сама не ожидала, что так расчувствуюсь. Сидела в коридоре, глядя на разноцветную кучу любимых вещей, вываливающуюся из шкафа под лестницей, и мелькнула шальная мысль, что если подушки снова на свободе, то и я – смогу.

Звонит телефон. Кэтрин. Единственный автор, на чей звонок я отвечу в субботу, да и то главным образом потому, что она наверняка расскажет что-нибудь уморительное. Например про то, как выложила в «Твиттер» жутко неприличное фото восьмидесятых годов, на котором она вместе с ныне известным политиком, или как покрасила старушке-маме волосы и сделала ей цветные кончики.

– Как там мой любимый редактор? – спрашивает Кэтрин.

– Переехала в новый дом!

Жестом показываю Мо поставить чайник. Он хмурится, но делает.

– Здорово! А какие планы у тебя на среду?

– Работа.

Мысленно открываю ежедневник. Собственно, в среду у меня муторная встреча с заведующей международным отделом по поводу прав на издание новой книги, которую я заказала прошлым летом начинающему автору, бывшему каменщику, а ныне – модному дизайнеру. Ее задача – продать книгу за границу. Когда я договаривалась, то много – хоть и очень туманно – говорила о популярности автора в соцсетях, которая на поверку оказалась гораздо скромнее. Международный отдел забросал меня электронными письмами с просьбой предоставить «больше информации» и указать «широту территориального охвата».

Еще немного, и бегать от нее станет невозможно, даже с моей камуфляжной растительной стеной.

– Замечательно! – восклицает Кэтрин с подозрительным воодушевлением. – А у меня отличные новости.

– Да?!

Надеюсь, она досрочно сдаст книгу. Или передумала по поводу главы о шапках и шарфах – она грозилась ее убрать, что станет настоящей катастрофой, ибо если книга и будет каким-то чудом продаваться, то исключительно благодаря этой главе.

– Ребята из «Морского бриза» в последнюю минуту перенесли мой мастер-класс «Скоростное вязание крючком» на среду. Так что ты вполне можешь поехать.

Хм... В принципе это в будний день и отсрочит неприятный разговор с заведующей международным отделом минимум на неделю. Что я предпочту: облачаться на круизном лайнере в вязаные жилетки Кэтрин или получить головомойку в зале совещаний без окон?

– Хорошо. Согласна.

– Правда?

– Правда, – говорю я, принимая из рук Мо чашку чая. – Но условие – я только модель, а объясняешь все ты. И еще: запрещаю тебе меня щипать, как в прошлый раз. Я тогда несколько дней ходила с синяками.

– Трудности жизни топ-модели, а, Тиффи?

Есть подозрение, что Кэтрин надо мной смеется.

* * *

Все ушли. Я одна. В своей квартире.

Естественно, весь день я щебетала и никак не показывала Мо и Герти, что у Леона мне неуютно и я вся на нервах.

Да, мне неуютно. Опять слезы наворачиваются. Гляжу на чудесное пестрое покрывало в изножье кровати, и все, о чем думаю: оно абсолютно не подходит к пододеяльнику Леона в мужскую серо-черную полоску, и я ничего не могу поделать, потому что кровать – такая же Леона, как и моя, и его полуголое или вовсе голое тело спит под этим одеялом. До сего момента я не задумывалась о технической стороне вопроса, и теперь эти мысли радости не прибавляют.

Вибрирует телефон. Кей.

Надеюсь, все прошло гладко. Берите в холодильнике, что нужно, пока не устроитесь и не начнете сами покупать продукты. Леон попросил, чтобы вы спали с левой стороны. Кей

Все, не могу. Плачу. Это ненормально, просто ненормально! Кто этот Леон? Почему я до сих пор его не видела? Раздумываю, не позвонить ли – номер есть в объявлении, однако Кей явно хочет, чтобы переговоры велись только с ней.

Шмыгаю носом, вытираю глаза и плетусь на кухню. Для человека, который работает сутками, в его холодильнике слишком много еды. Беру малиновый джем, масло и отыскиваю над тостером хлеб. Ну, ладно.

Привет, Кей. Да, переехала. Квартира очень уютная! Спасибо, что сказали про левую сторону.

Слишком официально, когда обсуждаешь, кто с какой стороны спит. Впрочем, по-моему, Кей предпочитает, чтобы мы все держали дистанцию.

* * *

Отправляю ей несколько вопросов: где включается свет на лестнице, работает ли телевизор и тому подобное. Потом, держа в руке тост с джемом, возвращаюсь в спальню и прикиды-

ваю, не будет ли это слишком, если я постелю свою простыню. Леон, конечно же, их постирал... Но... А вдруг нет? О господи, теперь не успокоюсь! Точно придется перестелить. Зажмурившись, срываю его постельное белье, как будто боюсь что-то там увидеть.

Готово! Чистые, скорее всего, простыни брошены в стиралку, мои – чудесные и точно чистые – на постели, а я немного упарилась. Если приглядеться, комната кажется все-таки чуточку больше моей прошлой. Да, пододеяльник конечно с остальным бельем не сочетается – я решила, что сменить и его будет слишком демонстративно. И на полках стоят странные книги. Ни одной про шитье! Но это мы скоро поправим! Однако, благодаря моим вещам по всему дому, платьям в шкафу... Да, пока можно накрыть кровать покрывалом, и все. Будет гораздо лучше.

Пока вожусь с бельем, замечаю, что из-под кровати торчит черный целлофановый мешок для мусора, а из него на пол вываливается что-то шерстяное. Наверное, забыла распаковать, так что вытаскиваю, чтобы проверить.

Мешок битком набит шарфами. Изумительными шерстяными шарфами! Не моими. Связаны великолепно – чтобы так вязать, нужен настоящий талант. Хочу! Я бы за эти шарфики заплатила деньги, которых у меня нет!

С опозданием соображаю, что, видимо, копаюсь в вещах Леона – да еще и спрятанных под кроватью, а значит, он не хочет никому их показывать. Секунду-другую любуюсь на вязку, потом запикиваю мешок обратно, стараясь, чтобы ничего не было заметно. Интересно, почему он их хранит? Чтобы складировать дома кучу шарфов ручной работы, нужна причина.

Мелькает мысль, что этот Леон все же очень странный. Сами по себе шарфы ничего не доказывают, но вдруг они – только вершина айсберга? Плюс их реально много, минимум десять. Что если он их украл? Вдруг это трофеи с убитых женщин?!

Может, он серийный убийца, которому крышу сносит в холодную погоду!

Надо срочно кому-то позвонить. Одна в квартире с этими шарфами... Я по-настоящему пугаюсь и, как следствие, перестаю соображать.

– Что случилось? – спрашивает Рейчел.

– Я боюсь, что Леон – маньяк, – объявляю я.

– Почему? Он попытался тебя убить или что?

Голос у Рейчел рассеянный. Боюсь, она не понимает серьезности ситуации.

– Нет-нет, я его еще не видела.

– С его девушкой встречалась?

– Да, а что?

– По-твоему, она знает?

– О чем?

– Об убийствах.

– Э-э... Нет... Наверное нет...

Кей производит впечатление совершенно нормального человека.

– Значит, она очень невнимательная. Ты заметила тревожные признаки в первый же вечер. Теперь подумай, сколько времени провела в этой квартире Кей, все видела и почему-то не сделала такой же логический вывод, как и ты!

Пауза. Обманчиво простой, но веский аргумент.

– Ты настоящий друг, – бормочу я.

– Знаю. Всегда пожалуйста. Только я сейчас занята, у меня свидание.

– О господи, извини!

– Не, не парься, он не возражает. Правда, Реджи?.. Вот, он не против.

На другом конце слышится приглушенный шум. Невольно гадаю, уж не привязан ли Реджи к кровати.

– Ладно, давай, – говорю я. – Люблю тебя.

– И я тебя люблю, солнышко. Это не тебе, Реджи, сбавь обороты!

8. Леон

Щеки Холли ввалились. Девочка поднимает на меня усталые глаза. Она вся словно уменьшилась в размере, даже запястья и кустики отрастающих волос... Все, кроме глаз. Слабо улыбается.

Холли: Ты приходил в выходные.

Я: Приходил-уходил. Нужна была помощь, работать некому.

Холли: Это потому, что я про тебя спрашивала?

Я: Ну вот еще! Ты же знаешь, ты моя самая нелюбимая пациентка.

Улыбка делается шире.

Холли: А вы с подружкой с короткими волосами проводили выходные вместе?

Я: Вообще-то, да.

На лице появляется озорное выражение. Не хочу понапрасну надеяться, но ей явно лучше – несколько дней назад ни о каких улыбках речь не шла.

Холли: И пришлось бросить ее из-за меня!

Я: Персонала не хватает, Холли. Пришлось бросить... пришлось приехать, потому что работать некому.

Холли: Спорим, она рассердилась, что ты меня любишь больше!

Сока, врач-ассистент, просовывает голову в занавеску.

Сока: Леон!

Я: Минутку, разлучница... Что?

Лицо доктора Соки расплывается в широкой усталой улыбке.

Сока: Пришел анализ крови. Антибиотики подействовали. Только что говорила по телефону с больницей в Блумсбери. Говорят, что Холли лучше и ей не надо к ним возвращаться. Соцслужбы уже занимаются остальным.

Я: Лучше?

Сока: Да. Уровень С-реактивного белка и лейкоцитов снизился, температура спала, молочная кислота в норме. Состояние стабильное.

Накатывает волна облегчения. Ничто не сравнится с тем чувством, когда узнаешь, что кто-то выздоравливает.

Хорошие новости про Холли радуют меня на всем пути домой. Подростки с косячком на углу кажутся почти херувимами. Вонючий мужик, который снял в автобусе носки, чтобы почесать ноги, вызывает искреннее сочувствие. Даже заклятый враг лондонца, нерасторопный турист, заставляет лишь снисходительно улыбнуться.

Уже планируя превосходный утренний ужин, захожу в квартиру и первое, что замечая, – запах. Такой женский... Пряный, как благовония, и цветочный.

Второе – горы хлама в гостиной. Огромная стопка книг у барной стойки. На диване – подушка-корова. Лавовая лампа на кофейном столике. Лавовая лампа! Что это? Эссекская женщина открыла тут лавку старьевщика?

В легком тумане собираюсь бросить ключи на обычное место – не считая корзины для белья – и вижу, что оно занято копилкой-собачкой. Невероятно! Как жуткий эпизод из телешоу «Поменяйся комнатой». Только тут поменялась вся квартира, и сильно к худшему. Единственно возможный вывод: эссекская женщина сделала это нарочно. Таких безвкусных людей просто не существует на свете.

Ломаю голову, вспоминая, что именно говорила Кей. Она редактор? Вроде профессия для человека не лишённого вкуса... Почти уверен, что Кей не упоминала про страсть к собирательству необычных вещей. И все-таки...

Падаю в кресло-мешок и некоторое время размышляю о трехстах пятидесяти фунтах, которые никак иначе не смогу уплатить в этом месяце Сэлу. Решаю, что все не так уж и плохо – кресло, например, великолепно: с узором «индийский огурец» и на удивление удобное. А лавовая лампа даже поднимает настроение. У кого сейчас встретишь такую?

Замечаю на сушилке в углу свои простыни, раздражаюсь, ибо специально их стирал и даже в результате опоздал на работу. Однако не будем забывать, что докучливая эссекская женщина меня совсем не знает. Не понимает, что я, естественно, перестелил бы постель, прежде чем кого-то в нее пригласить.

О! А что же в спальне?

Отважно открываю дверь и испускаю сдавленный вопль. Кого-то стошнило тут ситцем всех цветов радуги! Все поверхности застелены тканями несочетаемых оттенков. На кровати – ужасающее, побитое молюю покрывало. Огромная бежевая швейная машинка заняла почти весь стол. И одежда... Повсюду одежда!

У этой женщины ее даже больше, чем в магазине. Не уместила в платяном шкафу, где я выделил ей половину, и развесила на двери, по всей стене, на старой рейке для картин – находчиво, надо отдать должное – и на спинке теперь почти невидимого кресла у окна.

Секунды три размышляю, не позвонить ли ей и не показать ли, кто в доме хозяин, однако затем прихожу к неизбежному выводу: будет неловко, да и все равно я через несколько дней привыкну. Даже, вероятно, перестану замечать. И все же в данный момент рейтинг эссекской женщины упал еще ниже. Я собираюсь вернуться в гостиную и вздремнуть в заманчивом кресле, как вдруг мне на глаза попадает мешок с шарфами, которые связал для меня мистер Прайор.

Совсем вылетело из головы. Если эссекская женщина найдет под кроватью четырнадцать шарфов ручной вязки, то подумает, что у меня не все дома. Сто лет собираюсь отнести их в благотворительный магазин. Как-то не хочется, чтобы она подумала, что я, ну... коллекционер шарфов или что-то подобное...

Хватаю ручку, царапаю на стикере для записок «В благотворительный магазин» и прилепляю к мешку. Готово. Если вдруг забуду.

Теперь – в постель. Так вымотался, что даже ужасное покрывало с разводами начинает казаться привлекательным.

9. Тиффи

Вот я и здесь. На жутко холодном причале. В «нейтральной одежде, с которой можно работать», по просьбе Кэтрин. Сама она сияет дерзкой улыбкой, ветер треплет ее соломенные волосы. Мы ждем, пока круизный лайнер задраит люки, поставит паруса к ветру или что там еще делают на кораблях перед тем, как запустить пассажиров.

– У тебя идеальные пропорции, – сообщает мне Кэтрин. – Ты моя любимая модель, Тиффи! Правда. Это будет фурор!

Приподнимаю бровь, глядя на море. Не замечала, чтобы модели выстраивались к ней в очередь. А еще мне за долгие годы поднадоело выслушивать дифирамбы моим «пропорциям». Дело в том, что я – как квартира Герти и Мо, только наоборот: во всех направлениях процентов на двадцать крупнее, чем средняя женщина. Мама любит повторять, что у меня «широкая кость», потому что папа, мол, в юности работал дровосеком. Правда? Он, конечно, уже старенький, но дровосеки, по-моему, бывают только в сказках... Куда ни зайди, меня почти всегда услужливо информируют, что для женщины я очень высокая.

Иногда окружающих это раздражает, как будто я нарочно занимаю больше места. А иногда – смущает, особенно когда человек привык при разговоре с женщиной смотреть сверху вниз. Но чаще всего делают множество комплиментов по поводу «пропорций». Наверное, хотят сказать: «Господи, ну ты и каланча, и при этом не толстая!» или «Длинная, но не художочная, молодец!»

– Таких женщин любили в Советском Союзе, – продолжает Кэтрин, не замечая моей приподнятой брови. – Знаешь, как на плакатах, где они трудятся на земле, пока мужчины воюют.

– Советские женщины ходили во всем вязаном? – язвительно осведомляюсь я.

Накрапывает дождик, и море с шумного причала смотрится иначе, чем с пляжа – гораздо менее красивое – большое холодное соленое корыто. Думаю о заведующей международным отделом, как тепло ей на совещании по продаже прав на наши весенние новинки.

– Может быть, может быть... – задумчиво произносит Кэтрин. – Да, отличная идея, Тиффи! Глава по истории вязания. Включу в следующую книгу! Как думаешь?

– Нет, – отвечаю я твердо. – Читателям не понравится.

С Кэтрин идеи надо пресекать в зародыше. В данном случае я стопроцентно права. История никому не интересна, всем нужны идеи для нового слюнявчика, который можно подарить внуку.

– Но...

– Пойми, Кэтрин, рынок очень жесток.

Одна из моих любимых фраз. Добрый старый рынок, всегда можно свалить на него.

– Людям не нужна история, им нужны красивые картинки и простые инструкции.

После проверки документов мы наконец-то поднимаемся на борт. Трудно сказать, где кончаются мостки и начинается корабль – как будтоходишь в дом и чувствуешь легкое головокружение оттого, что пол под ногами покачивается. Я думала, нам, как почетным гостям, устроят радушный прием, а мы слоняемся по палубе с остальной публикой, которая минимум раз в двадцать богаче меня и гораздо лучше одета.

Для круизного лайнера посудина невелика – скажем, масштаб не Лондона, а Портсмута. Нас вежливо задвигают в дальний угол «зоны развлечений». Ждем своей очереди: должны начать, когда пассажиры отобедают.

Нас кормить никто не собирается. Кэтрин, конечно, принесла бутерброды с сардинами. Радужно предлагает их мне, что очень мило с ее стороны, и в конце концов урчание в животе становится таким громким, что я сдаюсь и беру бутерброд. Я вся на нервах. В последний раз я была в круизе, когда мы путешествовали с Джастином по греческим островам. Тогда я сияла

от любви и гуляющих после секса в крови гормонов. Теперь, притулившись в углу с тремя сумками вязальных спиц, крючков и пряжи, в компании экс-хиппи и сэндвича с сардинами, я больше не могу отрицать тот факт, что моя жизнь изменилась к худшему.

– И какой у нас план? – спрашиваю я Кэтрин, вгрызаясь корочку – по краям не так воняет рыбой. – Что я должна делать?

– Сначала я покажу на тебе, как снимать мерки. Потом – простейшую вязку, для новичков, а потом на готовых образцах – как составить идеальный наряд! И, конечно, – мои пять главных правил для скоростного обмера.

«Скоростной обмер» – одна из модных фразочек Кэтрин.

Зрителей собирается приличная толпа. Кэтрин это умеет – в былые времена много репетировала на митингах. Среди публики в основном пожилые дамы с мужьями, но есть и несколько женщин помоложе, от двадцати до сорока, и даже парочка мужчин. Может, Кэтрин права, и вязание крючком становится популярным?

– Поприветствуем мою очаровательную помощницу! – просит Кэтрин, как будто мы собираемся показывать фокусы.

Все послушно хлопают. Я принимаю веселый заинтересованный вид, хотя мне по-прежнему холодно и грустно в «нейтральной одежде»: белых джинсах, светло-серой футболке и чудесном теплом розовом кардигане. Я думала, что продала его в прошлом году, а сегодня утром неожиданно обнаружила в шкафу. Это единственное цветное пятно во всем наряде, и я предчувствую, что Кэтрин сейчас его...

– Кофту долой! – командует она, стаскивая с меня кардиган.

Так унижительно. И холодно.

– Смотрим внимательно! Телефоны попрошу убрать! Мы как-то выжили во время холодной войны, не проверяя каждые пять минут «Фейсбук»! Что? Да, теперь вы примерно представили, с кем имеете дело! Три-четыре, убираем телефоны!

Сдерживаю смех. Фирменный приемчик Кэтрин – она утверждает, что упоминание холодной войны делает публику более послушной.

Начинает меня обмеривать – шею, плечи, грудь, талию, бедра, – и оттого, что мои параметры зачитываются на публику, еще больше тянет расхохотаться. Классика жанра – когда никак нельзя смеяться, начинаешь просто помирать со смеху.

Измеряя бедра, Кэтрин бросает на меня сердитый взгляд и щебечет про складки, создающие «пространство для ягодич». Она, конечно, чувствует, что тело мое уже сотрясается от едва сдерживаемого смеха. Я знаю, надо вести себя профессионально: ржать нельзя – это все испортит. Но... Вы только гляньте! Вон старушка только что записала в блокнотик обхват моего бедра. А парень сзади...

Парень сзади... Это... Джастин!

Видит, что я его заметила, и скрывается в толпе.

Однако прежде смотрит мне в глаза. Меня как током бьет, потому что это не обычный взгляд. А такой, каким обмениваешься, прежде чем бросить на столик в баре двадцатку, поймать такси и целоваться всю дорогу домой. Или когда ставишь бокал с вином и поднимаешься по лестнице в спальню.

Взгляд о сексе. Джастин раздевает меня глазами. Мужчина, который бросил меня несколько месяцев назад и с тех пор не отвечал на мои звонки. Мужчина, чья невеста, наверное, сейчас на этом самом лайнере... Он так на меня смотрит! И смущает меня больше, чем сотня престарелых дам с блокнотиками. Чувствую себя голой.

10. Леон

Я: Вы могли бы снова встретиться. Для любви нет преград, мистер Прайор! Для любви нет преград!

Мои слова его не убеждают.

Мистер Прайор: Не обижайтесь, юноша, но вы не понимаете – на войне все иначе. Разумеется, есть красивые истории о девушках, которые давно похоронили любимого, и вдруг он шагает в военной форме по дорожке, целый и невредимый... Но на каждую хорошую историю найдутся сотни других, о тех, кто не вернулся. Джонни, вероятнее всего, мертв, а если и нет, то давно женат на какой-нибудь даме или джентльмене и про меня забыл.

Я: Вы сказали, что в списке его нет.

Взмахиваю распечатанным списком погибших, сам не понимая, зачем настаиваю. Мистер Прайор не просил меня найти Джонни, он лишь предавался воспоминаниям.

Мистер Прайор: По-моему, нет. С другой стороны, я старик, память у меня неважная, а что там в компьютере понаписали, бог его знает. Мы с компьютером вполне можем ошибаться, верно?

Мягко улыбается, как будто я затеял все это по какой-то своей, корыстной, причине. Приглядываюсь к нему повнимательнее. Вспоминаю ночи, когда к другим приходили посетители, а мистер Прайор тихо сидел в углу, сложив руки на коленях, изо всех сил стараясь не показать, что ему грустно.

Я: Доставьте мне удовольствие, расскажите подробнее. Какой полк? Откуда родом? Приметы? Родные?

Мистер Прайор поднимает на меня глаза, пожимает плечами и улыбается. Рябая и тонкая, как бумага, кожа на лице складывается в морщинки, линия загара на шее смещается – она очень четкая от многолетнего ношения рубашек с одинаковым воротом.

Он качает головой, словно хочет пожаловаться, какая нынче пошла сумасбродная молодежь, однако начинает рассказывать.

Утро четверга. Еду в автобусе и звоню маме для короткого тяжелого разговора.

Мама, сонно: Есть новости?

Так она приветствует меня уже несколько месяцев.

Леон: Прости, мам.

Мама: Давай я позвоню Сэлу.

Леон: Нет-нет, я сам.

Тоскливое молчание.

Мама, с усилием: Извини, сынок. Как у тебя дела?

Дома ждет приятный сюрприз: на буфете – домашняя запеканка из овсяных хлопьев с разноцветными сухофруктами и семечками. Эссекская женщина даже в еде не обходится без смешения красок, хотя я несколько примиряюсь с этим, когда вижу рядом с подносом записку.

Угощайся! Надеюсь, твой день ночь прошла хорошо.

Тиффи

Отличный поворот. Прибавление в доме хлама и забавные лампы определенно можно потерпеть за триста пятьдесят фунтов в неделю и бесплатную кормежку. Беру большой кусок и усаживаюсь за письмо Ричи, сообщая новости про Холли. В письмах к нему она фигурирует как «искушенная девочка» и выходит более лукавой и колкой. Не глядя, беру еще кусок и

на второй странице описываю барахло эссекской женщины. Временами выходит такой абсурд, что Ричи, скорее всего, не поверит. Утюг в виде «Железного человека». Настоящие клоунские ботинки, которые висят на стене как предмет декора. Ковбойские сапоги со шпорами – судя по потертости, она их носит регулярно.

Вожусь с маркой и замечаю, что в рассеянности съел четыре куска запеканки. Надеюсь, про «угощайся» она говорила искренне. Пока не отложил шариковую ручку, царапаю на обороте ее записки:

Спасибо. Так вкусно, что чуть не съел все.

Задумываюсь. Надо как-то отблагодарить. Поднос почти пустой.

Спасибо. Так вкусно, что чуть не съел все. Если хочешь, в холодильнике бефстроганов с грибами, а запеканка почти кончилась. Леон.

Надо идти готовить бефстроганов.

Это не единственная записка за утро. Вот еще одна, на двери ванной.

Привет, Леон. Ты не мог бы опускать после себя сиденье унитаза?

Боюсь, мне не удалось написать эту записку без скрытой агрессии. Seriously, дело в самой бумаге для записок – берешь ручку, бумажку и тут же превращаешься в стерву, – так что попытаюсь исправить. Наверное, подрисую смайлики.

Тиффи

Вдоль нижнего края накаляканы улыбающиеся рожицы.

Усмехаюсь. У одной рожицы есть тельце, которое пишет в угол бумажки. Не ожидал, вообще не подозревал у нее наличие чувства юмора. Может, из-за ее книжек – сплошь из серии «Умелые руки».

11. Тиффи

– Это смешно!

– Знаю.

– И все?! – вопит Рейчел.

Вздрагиваю. Вчера вечером я уговорила бутылку вина, с расстройства испекла овсяную запеканку, почти не спала и сегодня немного не готова слушать вопли.

Мы сидим в «творческом пространстве» редакции. Оно во всем похоже на два других зала для совещаний «Баттерфингерс-пресс», но, к прискорбию, не имеет нормальной двери, а стены увешаны белыми маркерными досками. Однажды кто-то их исписал – прочесть уже невозможно, но следы той творческой сессии навсегда въелись в поверхность. Рейчел распечатала макет, который надо обсудить, страницы лежат на столе между нами. Чертова кондитерская книга «Ладушки-оладушки». Сразу видно, что в первый раз я ее редактировала в спешке и с похмелья.

– Ты встречаешь Джастина на круизном лайнере, он смотрит на тебя с вожделением, а ты продолжаешь работать вешалкой и не пытаешься его найти?

– Знаю, – повторяю я, вконец расстроенная.

– Смешно! Почему ты его не разыскала?

– Я работала с Кэтрин! Кстати, у меня производственная травма, – жалуюсь я, откидывая пончо, чтобы показать ярко-красную отметину на руке – там, где Кэтрин чуть меня не проколола насквозь.

Рейчел бросает на отметину беглый взгляд.

– Отомсти. Уменьши срок сдачи рукописи. А там точно был Джастин? Мало ли на корабле шатенов...

– Я, по-твоему, Джастина не узнаю?

– Ну да, – признает она, разводя руками, отчего страницы разлетаются по столу. – Пове- рить не могу. Такая встреча – и кончилась пшиком! Я думала, будет секс в каюте! Или на палубе! Или... или в шлюпке посреди океана!

А на самом деле я провела остаток показа в состоянии полупаралича, паники и напряже- ния, отчаянно делая вид, что слушаю указания Кэтрин – «подними руки, Тиффи!» – и одно- временно обшаривая взглядом задние ряды. Я в самом деле начала думать, что мне почуди- лось. Seriously, каковы шансы? То есть да, он любит круизы, но страна-то большая. Вокруг ходит немало круизных лайнеров.

– Опиши еще раз взгляд.

– Да не могу я объяснить! – Роняю голову на страницы, сердце щемит. – Просто... Просто взгляд из тех времен, когда мы были вместе. Господи, так неприлично, ужас! И его девушка... В смысле невеста...

– Он увидел из заднего ряда, как ты, полурасдетая, убиваешь время с престарелой чудач- кой, и вспомнил, почему ему нравилось снимать с тебя штаны, – делает вывод Рейчел. – Все яснее ясного.

– Нет, не это...

А что тогда? Что-то же произошло. Это же был не просто взгляд. Сердце тревожно пока- лывает. Даже после ночи раздумий я не могу разобраться в своих чувствах. Хочу думать, что появление Джастина на корабле и его взгляд – романтичны и судьбоносны, однако трясусь в ознобе, как будто болеваю. По дороге домой из порта я вся издергалась и изнервничалась – давно никуда не ездила одна, кроме как к родителям. Джастин вечно прикалывался, что я всегда сажусь не на тот поезд, и на всякий случай всюду меня сопровождал, это было мило с его

стороны. Так что, пока я в одиночестве ждала поезд на полутемном вокзале в Саутгемптоне, совершенно уверилась, что уеду куда-нибудь на Гебридские острова.

Проверяю телефон – «совещанию» с Рейчел в ежедневнике выделено полчаса, и мне давно пора браться за первые три главы книги Кэтрин. Оповещение о сообщении.

Очень рад вчерашней встрече. Оказался там по работе, и, когда увидел в программке «Кэтрин Роузен с помощницей», подумал: «Да это же Тиффи!». Только ты можешь смеяться, когда вслух объявляют твои объемы – большинство женщин пришли бы в ужас. Наверное, это и делает тебя особенной. Целую, Дж.

Трясущимися руками показываю телефон Рейчел. Она прикрывает рот ладонями.

– Он тебя любит! Он все еще тебя любит!

– Успокойся, Рейчел, – говорю я, хотя сердце так и норовит выпрыгнуть через горло. Я задыхаюсь от недостатка и одновременно избытка воздуха.

– Напиши ему, что из-за таких вот комментариев женщины и психуют по поводу веса! И что, говоря «большинство женщин пришли бы в ужас», он только усугубляет кризис женской самооценки и настраивает нас друг против друга, а это – одна из серьезнейших проблем современного феминизма!

Я прищуриваюсь, а Рейчел расплывается в улыбке.

– Или просто напиши: «Спасибо. Загляни ночью на огонек и покажи на практике, какая я особенная».

– Фу! И зачем я только с тобой разговариваю!

– У тебя выбор небольшой: я или Мартин. – Она сгребает со стола страницы. – Внесу правку. А ты ступай и верни своего мужчину, поняла?

– Нет! – решительно заявляет Герти. – Ничего такого не пиши. Этот подонок вытирал о тебя ноги, пытался изолировать от друзей и наверняка тебе изменял. Таких любезностей он не заслуживает.

Воцаряется молчание.

– Почему ты вообще думаешь об ответе, Тиффи? – спрашивает Мо, как будто он переводчик при Герти.

– Просто... Ну, хотела бы с ним поговорить...

Мой голос очень слаб – сказывается усталость. Я свернулась в кресле с чашкой горячего шоколада, а Мо и Герти тревожно глядят на меня с дивана. Хотя только Мо, а Герти сердится.

Подруга перечитывает вслух черновик моего сообщения:

– «Привет, Джастин. Очень рада тебя слышать. Прости, что не удалось нормально поговорить, хоть и были на одном корабле! Целую».

– Он тоже написал «целую», – оправдываюсь я.

– Подпись волнует меня меньше всего.

– Тиффи, ты уверена, что хочешь снова быть с Джастином? По-моему, ты стала гораздо гармоничней, когда от него съехала, – вмешивается Мо. – Интересное совпадение... – Я молчу, и он вздыхает. – Знаю, Тиффи, тебе трудно думать о нем плохо, но какие бы оправдания ты ему ни находила, нельзя игнорировать тот факт, что он тебя бросил ради другой.

Вздрагиваю.

– Прости. Только он сделал. И даже если они с Патрисией расстались, чему нет никаких доказательств, он все-таки тебя бросил. Ты не можешь опровергнуть данный факт никакими логическими построениями или убедить себя, что тебе все померещилось, потому что ты сама видела Патрисию. Перечитай сообщение в «Фейсбуке». А еще вспомни, каково тебе было, когда он появился на квартиру на пару с ней.

Да почему они постоянно твердят то, что я не хочу слышать? Что-то я начинаю скучать по Рейчел...

– Что он, по-твоему, делает? – продолжает Мо с неожиданной жесткостью в голосе, от которой у меня внутри все сжимается.

– Ведет себя приветливо. Хочет снова общаться.

– Но он не предложил встретиться, – замечает Мо.

– И взгляд, судя по твоему рассказу, был не просто дружеским, – добавляет Герти.

– Я...

Они правы. Его взгляд не говорил: «Привет, я соскучился. Давай поговорим». Но... что-то в нем было... Да, я не могу отрицать, что у него есть невеста, однако и тот взгляд игнорировать не могу. Что он хотел сказать? Если хотел... Если он хотел ко мне вернуться...

– Ты бы решилась? – продолжает Герти.

– Решилась на что? – переспрашиваю я, чтобы выиграть время.

Она молчит. Видит меня насквозь, все мои трюки.

Я вспоминаю, как страдала последние месяцы, как печально прощалась с квартирой Джастина, как смотрела страницу Патрисии в «Фейсбуке» и роняла слезы на клавиатуру, пока не испугалась, что ее закоротит.

Мне с Джастином сказочно повезло. С ним всегда было так весело... Жизнь кружилась вихрем; мы летали из страны в страну, пробовали новое, не спали до четырех утра и встречали на крышах рассветы. Да, мы часто ссорились, и я наделала много ошибок, но чаще всего я просто ужасно радовалась, что мы вместе. Без него я совсем потерялась...

– Не знаю, – говорю я. – Но часть меня очень этого хочет.

– Не беспокойся, – встает Герти и гладит меня по голове, – мы тебе не позволим.

12. Леон

Привет, Леон!

Надо признаться, что я пеку на нервной почве. Когда грустно или что-то идет не так – сразу к духовке, превращая депрессию во вкусную калорийную выпечку. Если ты не чувствуешь в кексах следы моей печали, то наверно их появление всю неделю без перерыва не должно тебя смущать.

Кстати – потому, что мой бывший нарисовался на моем круизном лайнере³, плялил на меня, а потом свалил. И теперь у меня в голове полная каша. Он прислал мне милое сообщение о том, какая я особенная, но я ему не ответила. Хотела, но друзья отговорили. Они такие вредные и обычно оказываются правы...

Короче, потому ты и погряз в тортиках.

Тиффи

Печально слышать про твоего бывшего. Насколько я понял по реакции друзей, они думают, что он тебе не подходит. Ты тоже так считаешь?

Я за то, чтобы Бывший оставался Бывшим, если от этого получаются вкусности.

Леон

Привет, Леон.

Не знаю, я в таком ключе об этом не думала. Моя первая реакция – хочу быть с ним! Но если подумать, то и не знаю. Отношения у нас были очень бурные. Мы – одна из тех пар, которых вечно обсуждают: то расставались, то сходились. Легко помнить хорошее, – а его было дофига! фантастически хорошего! – но, видимо, с тех пор как мы разбежались, я только хорошее и помню. Знаю, что с ним было весело. Но были ли эти отношения на пользу мне? Не уверена...

Встречай: торт «Виктория» с домашним джемом.

Тиффи

На большой распечатке под заголовком «Строитель: мое удивительное путешествие от каменщика до топового дизайнера интерьеров»:

Честно говоря, решил полистать, название показалось на редкость дурацким. И не смог отложить. Не спал до полудня. Этот мужик случайно не твой бывший? Если нет, можно я на нем женюсь?

Леон

Привет, Леон!

Ужасно рада, что тебе понравилось! Красавчик каменщик-дизайнер – не мой бывший, и да, он скорее предпочтет жениться на тебе, чем на мне. Правда, подозреваю, Кей будет возражать.

Тиффи

Кей не разрешает жениться на красавчике каменщике-дизайнере.

Жаль.

Она передает тебе привет.

³ Не мой круизный лайнер. Без обид, но будь у меня круизный лайнер, я не польстилась бы на квартирку с одной кроватью. Я бы жила в шотландском замке с разноцветными башенками.

Рада была вчера с ней увидеться! Она говорит, ты на моей стряпне толстеешь. Заставила пообещать меня, что впредь я буду трансформировать эмоциональные драмы в более здоровое питание, так что я приготовила нам «шоколадный» пирог с кэробом (заменитель какао) и финиками. Прости, получилась исключительная гадость.

Переклеиваю бумажку на «Грозовой перевал», потому что «Строителя» пора вернуть в редакцию!

На шкафчике над мусорным ведром:

Когда у нас мусорный день?

Леон

Шутишь? Я здесь всего пять недель, а ты – много лет!

И ты меня спрашиваешь, когда мусорный день?!

Но вообще-то – вчера, мы забыли.

Так и думал... Никак не запомню, пятница или понедельник. Наверное, потому что оба на «п».

Что слышно от бывшего? Ты перестала печь. Я, конечно, протяну пока на запасах из морозилки, но может к середине мая можно рассчитывать на очередной кризис?

Леон

Привет.

Полнейшая тишина. Он даже не выкладывал ничего в соцсетях, так что не могу проследить. Должно быть, до сих пор со своей невестой. Ну а почему нет, все, что он сделал, – странно-нормально на меня поглядел. Я, видимо, превратно истолковала встречу на корабле, а он – мерзкий тип, как говорит моя подруга Герти. Я, кстати, расплатилась с ним за жилье. Теперь должна ужасающую сумму банку.

Спасибо за ризотто, пальчики оближешь! Для человека, который питается только по ночам, ты отлично готовишь!

Тиффи

Рядом с противнем:

О господи. Еще и невеста есть. И долг. Офигительное печенье означает, что есть какие-то новости?

Рядом с противнем, на котором остались одни крошки:

НЕ-А, НИКАКИХ. ДАЖЕ НЕ ПРИСЛАЛ СООБЩЕНИЕ, ЧТО ПОЛУЧИЛ ДЕНЬГИ. ВЧЕРА Я ВСЕРЬЕЗ ЖАЛЕЛА, ЧТО ПЕРЕВЕЛА ВСЕ РАЗОМ, – ДУМАЛА, ЛУЧШЕ БЫ ОТДАВАЛА ПО ПАРЕ СОТЕН В МЕСЯЦ – ВРОДЕ КАК ВСЕ ЕЩЕ СВЯЗАНЫ. И В КРЕДИТ БЫ НЕ ВЛЕЗЛА.

В ОБЩЕМ, СО ВРЕМЕНИ ТОГО СООБЩЕНИЯ ПОСЛЕ КРУИЗА ОН МНЕ НИ СЛОВА НЕ СКАЗАЛ. ПОСЕМУ ТОРЖЕСТВЕННО ПРИЗНАЮ, ЧТО Я – ИДИОТКА.

ЛЮБОВЬ ВСЕХ НАС ПРЕВРАЩАЕТ В ИДИОТОВ: КОГДА МЫ ПОЗНАКОМИЛИСЬ С КЕЙ, Я НАВРАЛ, ЧТО Я ДЖАЗОВЫЙ МУЗЫКАНТ – САКСОФОНИСТ. ДУМАЛ, ТАК БОЛЬШЕ ШАНСОВ ЕЙ ПОНРАВИТЬСЯ.

*ДЛЯ ТЕБЯ – ЧИЛИ ИЗ ГОВЯДИНЫ.
ЛЕОН*

Апрель

13. Тиффи

– Кажется, у меня сердцебиение.

– Сердцебиения закончились в девятнадцатом веке, – сообщает Рейчел, отхлебывая неприлично большой глоток латте. Кофе мне принес главный редактор, которого периодически накрывает чувство вины, что мне мало платят, и, чтобы успокоить совесть, он расщедривается на чашку-другую.

– Эта книга меня доконает... – ворчу я.

– Доконают тебя насыщенные жиры! – Рейчел тычет в банановый кекс, который я жую. – С твоей выпечкой дело все хуже. В смысле лучше. И как ты не толстеешь?

– Толстею, но я больше тебя, и разница не так заметна. Я прячу новые кексовые граммы в местах, которые не видно. Например, в предплечьях. Или щеках. Щеки у меня определенно округлились, как думаешь?

– Редактируй, женщина! – Рейчел шлепает ладонью по страницам.

Март пролетел незаметно, и еженедельные планерки по поводу книги Кэтрин быстро превратились в ежедневные; теперь, с ужасом осознав, что на дворе апрель и до даты печати остается пара месяцев, мы совместили совещания с обедами.

– Кстати, когда ты пришьешь фотографии шарфов и шапок? – добавляет она.

О боже! Шарфы и шапки! Они преследуют меня даже во сне. Ни одна фирма не возьмется вязать их в такие короткие сроки, а у самой Кэтрин совершенно нет времени. По контракту она не обязана предоставлять все образцы сама, так что повлиять на нее я не могу. Я пыталась умолять, и она, не без сочувствия, посоветовала не унижаться.

Скорбно обозреваю банановый кекс.

– Ничего не выйдет. Конец близок. Книга пойдет в печать без шарфов и шапок.

– Ну уж нет! Хотя бы потому, что у тебя не хватит текста заполнить пустые полосы. Давай работай! А потом придумай что-нибудь! И в темпе!

Да что ж такое! Почему я все еще считаю ее своей подругой?

Войдя в дом, сразу ставлю чайник – в такой вечер без чая не обойтись. Ко дну чайника приклеилась старая записка Леона. Они вообще липнут ко всему подряд...

Рядом с раковиной – полупустая чашка кофе с молоком. Леон всегда пьет из одной и той же щербатой белой чашки с мультяшным кроликом. Каждый вечер чашка оказывается либо около раковины, недопитая – видимо, торопился, – либо на сушилке и чистая, вероятно, когда ему удастся встать по будильнику.

Квартира теперь довольно уютная. Пришлось уступить Леону часть пространства в гостиной – в прошлом месяце он сложил половину моих подушек горкой в прихожей и снабдил подписью: «Или я, или они (извини)». Может, он и прав, что их слишком много. На диване практически негде было приткнуться.

Кровать – по-прежнему самый странный предмет из всего нашего совместного существования. Около месяца я, ложась, всякий раз стелила свои простыни, а утром их снимала. И спать старалась на самом краешке, отодвинув свою подушку как можно дальше от его. А теперь забила и белье не меняю – Леон спит только с другой стороны, так что все нормально. Конечно, я до сих пор его не видела, что, признаю, странно, но мы оставляем друг другу все больше записок, и иногда я забываю, что разговор ведется не лично.

Бросаю на пол сумку и, пока заваривается чай, валюсь в кресло. Если быть с собой до конца честной, я жду. Жду уже много месяцев, с тех пор как увидела Джастина на корабле.

Когда-нибудь он позвонит. Да, я не ответила на сообщение и периодически ненавижу Герти и Мо за то, что они мне не позволили, но я помню тот взгляд. Естественно, сейчас, по прошествии времени, я почти забыла, как именно смотрел на меня Джастин. Теперь это коллаж из разных выражений его лица, которые хранит память. Или, если рассуждать реалистично, фотографии в «Фейсбуке». И все-таки... Его взгляд казался очень... Ладно, я до сих пор не знаю каким. Очень каким-то.

Чем дальше, тем больше я удивляюсь, что Джастин вообще очутился на том самом круизном лайнере, где мы с Кэтрин презентовали «Скоростное вязание». Как ни приятна эта мысль, но он не мог прийти туда специально, чтобы меня увидеть, – мастер-класс перенесли на среду в последний момент, и Джастин никак не мог знать о нашем участии. Плюс он написал, что был там по делу, и это вполне правдоподобно – он работает на компанию, организующую мероприятия для круизов и туры по Лондону. Если честно, я не особо представляю себе его работу: что-то логистическое и муторное.

А раз он приехал туда не специально, то не кажется ли вам, что это судьба? Беру чай и бреду в спальню. Я ведь даже не хочу снова с ним сойтись. Или хочу? Так надолго мы еще не расходились, и в этот раз все действительно по-другому. Может потому, что он бросил меня ради девушки, которой сразу же сделал предложение?

Собственно, меня вообще не должно беспокоить, позвонит он или нет. Что за бред! Я жду, когда позвонит мужчина, который наверняка мне изменял! Что это обо мне говорит?

– О том, что ты преданная и доверчивая, – отвечает Мо, когда задаю ему этот вопрос по телефону. – Потому-то я и думаю, что Джастин, скорее всего, тебе позвонит.

– Да? Ты тоже так думаешь?

Я издергана, раздражена, жутко хочу, чтобы кто-то подтвердил мои мысли, и оттого еще больше сержусь. Начинаю переставлять в правильном порядке диски с сериалом «Девочки Гилмор» – все равно сидеть спокойно не могу. Между первым и вторым сезоном застряла записка; выдергиваю ее и пробегаю взглядом. Я пыталась уговорить Леона хоть иногда пользоваться телевизором, предлагая для начала свою тщательно подобранную коллекцию дисков. Но мои аргументы его не убедили.

– Почти уверен, – говорит Мо. – Это будет в его стиле. Вот только... Ты уверена, что сама этого хочешь?

– Я хочу, чтобы он снова со мной разговаривал. Или, по крайней мере, не игнорировал. Он расвирепел из-за квартиры, однако сообщение после круиза прислал очень милое... Короче, я не знаю. Хочу, чтобы позвонил. Ох... Ну почему так? – Зажмуриваюсь.

– Может, ты слишком часто слышала о том, что без него пропадешь? – мягко рассуждает Мо. – Это объяснило бы, что ты ждешь его возвращения, даже если сам он тебе уже не нужен.

Брожу по комнате, придумывая, как бы отвлечься. Посмотреть последнюю серию «Шерлока»? Подумать о новой ассистентке на работе? Сил нет даже на это.

Мо тихо ждет.

– Я угадал? Скажи, ты думала о том, чтобы с кем-то встречаться?

– Я могла бы, если бы хотела.

– Эх, – вздыхает он. – Как ты чувствовала себя на корабле, когда он на тебя смотрел?

– Не знаю. Сто лет прошло. Наверно, это было страстно... Приятно, когда ты желанна.

– Не испугалась?

– Что?

– Ты испугалась?

Хмурюсь.

– Мо, перестань! Это был просто взгляд. Джастин точно не хотел меня напугать. И вообще, я позвонила тебе обсудить, есть ли шансы, что он снова выйдет на связь. Спасибо, в этом плане ты меня успокоил, и давай закончим.

В трубке – тишина. Против воли начинаю волноваться.

– Отношения с Джастином не прошли для тебя бесследно, Тиффи, – наконец мягко говорит Мо. – Он сделал тебя несчастной.

Отрицательно мотаю головой. Да, я знаю, мы ругались, но какая разница? Мы всегда мирились, и после ссоры все становилось только романтичнее. Наши стычки были не такие, как у других пар. Они – просто часть нашего прекрасного, сумасшедшего, головокружительного, как американские горки, романа.

– Рано или поздно ты со мной согласишься, Тифф. И когда это произойдет, позвони мне, о'кей?

Я киваю, не очень понимая, на что подписываюсь. Со своего наблюдательного пункта я только что обнаружила идеальную штуку, которая поможет отвлечься: мешок с шарфами под кроватью. Тот, что я нашла в первый вечер, и еще подумала, что Леон серийный убийца. На мешке наклейка, которой в прошлый раз точно не было: «В благотворительный магазин».

– Спасибо, Мо. До воскресенья. Приходи на кофе.

Нажимаю отбой и уже ищу ручку.

Привет!

Слушай, прости, что рылась под нашей (твоей) кроватью. Я понимаю, это совершенно недопустимо. Но шарфы – ВЕЛИКОЛЕПНЫ. Дизайн просто улетный. Мы никогда ни о чем таком не говорили, но я подозреваю, что ты пустил совершенно незнакомого человека (то есть меня) спать в своей постели, потому что нуждаешься в деньгах, а не потому что исключительно добрый и страдаешь тем, кто тщетно ищет в Лондоне дешевую квартиру.

И, хотя я только ЗА передачу старой одежды в благотворительные магазины (в конце концов, я сама большую часть своих тряпок покупаю именно там – ты нам нужен, брат), думаю, тебе стоит рассмотреть вариант продажи этих шарфов. За штуку можно получить фунтов двести.

А если решишь отдать один своей чудесной соседке с девяностопроцентной скидкой, я возражать не стану.

Тиффи

Р. С. Кстати, откуда у тебя столько? Если не секрет.

14. Леон

Руки в стороны, ноги на ширине плеч. Суровая охранница обыскивает меня с особым тщанием. Видимо, подхожу под описание человека, который может пронести на свидание наркотики или оружие. Представляю, как она мысленно сверяется с чек-листом. Пол: мужской. Раса: сложно определить, но смуглее, чем хотелось бы. Возраст: достаточно молод, чтобы делать глупости. Внешний вид: неряшливый.

Приветливо улыбаюсь, как добропорядочный гражданин. Получается, пожалуй, нагло-вато. Мрачность тюрьмы просачивается внутрь меня, несмотря на усилия игнорировать мотки колючей проволоки над стальными заборами, корпуса без окон и угрожающие надписи о последствиях попыток пронести на территорию наркотики.

Самая неприятная часть – путь от поста охраны до помещения для свиданий. Лабиринт из бетона и колючей проволоки. Тебя без конца передают из рук в руки охранники, которые снимают с пояса ключи, чтобы запереть за тобою дверь прежде, чем успеешь сделать шаг в сторону следующей. Стоит чудесный весенний день, сквозь колючую проволоку просматривается краешек насмешливо голубого неба.

В комнате для свиданий обстановка несколько лучше. Карапузы ковыляют между столами или визжат, когда их поднимают высоко в воздух накачанные папаши. Заключенные одеты в яркие майки, чтобы отличаться от нас, других. Мужчины в оранжевом придвигаются к своим девушкам на несколько сантиметров ближе, чем положено, сплетают с ними пальцы. Здесь больше эмоций, чем в зале прилета в аэропорту. Создатели фильма «Реальная любовь» явно что-то не додумали.

Сажусь за отведенный нам стол. Жду. Когда приводят Ричи, желудок сдавливает, будто он выворачивается наизнанку. Ричи – уставший и грязный, щеки ввалились, голова наспех побрита. В своих единственных джинсах, которые на нем болтаются, – не захотел выйти ко мне в тюремных трениках. Не могу, не могу, не могу на это смотреть.

Встаю и улыбаюсь, протягивая руки. Жду, пока он подойдет; покидать выделенную зону нельзя. Охранники вдоль стен внимательно, с каменными лицами следят за происходящим.

Ричи, хлопая меня по спине: Здорово, брат, хорошо выглядишь!

Я: Ты тоже.

Ричи: Врешь. Выгляжу как подогретое говно. В блоке Е была какая-то буча, и вырубили воду – понятия не имею, когда дадут, а пока не рекомендую пользоваться туалетом.

Я: Приму к сведению. Ты как?

Ричи: Лучшее всех. Что слышно от Сэла? Блин, думал, хоть минуту продержусь без этой темы...

Я: Ну... Извиняется, что из-за бумажек апелляция затягивается. Он над этим работает. Ричи мрачнеет.

Ричи: Я не могу ждать вечно, Лео.

Я: Если хочешь, попробую найти кого-нибудь еще.

Угрюмая тишина. Ричи не хуже меня знает, что это лишь затянет процесс.

Ричи: Он получил запись с камеры около супермаркета?

Интереснее, запросил ли он ее вообще... Начинаю сомневаться, хотя Сэл и уверяет, что да. Потираю сзади шею, гляжу на носки ботинок и как никогда мечтаю оказаться с Ричи где-нибудь далеко-далеко.

Я: Пока нет.

Ричи: Без нее никак, говорю же тебе! На ней видно, что это был не я.

Надеюсь. Только качественна ли запись? Достаточно ли четкая, чтобы опровергнуть показания свидетелей?

Целый час обсуждаем апелляцию – не могу увести его от этой темы. Криминалистическая экспертиза, неучтенные факты и, как всегда, камеры видеонаблюдения. Надежда, надежда, надежда.

Ухожу с трясущимися коленями, беру такси до станции. Мне нужен сахар. В сумке припасены пироженки, приготовленные Тиффи; съедаю три тысячи калорий за раз, пока поезд катится по сельской равнине, унося меня от брата туда, где все о нем забыли.

Дома обнаруживаю посреди спальни мешок с шарфами и запиской от Тиффи.

Мистер Прайор вяжет двестифунтовые шарфы? Да с такой скоростью! Ох... Думаю, сколько раз отказывался принять очередной шарф, шапку, перчатки или чехол на чайник. Мог бы уже озолотиться.

Вешаю на дверь спальни:

Привет, Тиффи.

СПАСИБО, что сказала про шарфы. Да, деньги нужны. Продам. Посоветуешь где/как?

Вяжет один джентльмен у меня на работе. Раздаривает всем, кто не увернулся (иначе мне было бы совестно брать за них деньги...)

Леон

Привет!

Конечно, скину тебе ссылки на сайты. От покупателей отбоя не будет.

И еще... Странный вопрос, но не согласится ли этот джентльмен у тебя на работе связать кое-что крючком за вознаграждение?

Тиффи

Не разбираюсь, вяжет он крючком или как. Кстати, выбери себе шарф – вечером выставлю остальное на продажу.

Леон

Записка, упавшая на пол около двери спальни, так что заметил не сразу:

Доброе утро!

Понимаешь, я работаю над книгой под названием «Провяжи дорогу в жизнь» (знаю-знаю – одно из моих лучших названий), и нам нужен человек, который супербыстро свяжет четыре шарфа и восемь шапок, чтобы мы их сфотографировали и поместили фотографии в книгу. Ему надо будет следовать инструкциям моей автории (цвет, вязка и т. п.). Я могу заплатить, но немного. Как с ним связаться? У меня сроки горят, а он сумасшедшие талантлив, сразу видно.

О господи, шарфик обалденный! Буду ходить в нем все время (плевать, что на дворе весна). Спасибо!

Тиффи

Снова дверь спальни:

Хм. По-моему, сложностей возникнуть не должно, хотя надо договориться с сестрой-хозяйкой. Напиши письмо, я ей покажу, и, если одобрит – передам моему «вязальщику».

Раз собираешься все время носить тот шарф, не могла бы ты выбросить остальные пятьсот, которыми забита твоя половина шкафа?

Еще новость: первый шарф только что ушел за двести тридцать пять фунтов! Дурдом! Он же страшненький!

Леон

Привет!

«Твоя половина» – ключевые слова, Леон. Это моя половина, и я желаю забивать ее шарфами.

Вот письмо. Скажи, если что-то надо поправить. Кстати, хорошо бы прибраться тут в наших записульках. Квартира напоминает сцену из «Игр разума».

Тиффи

Передаю письмо сестре-хозяйке, и та разрешает предложить мистеру Прайору вязать за деньги. Крючком, спицами – совершенно в этом не разбираюсь. Но наверняка Тиффи рано или поздно оставит мне длиннющее письменное разъяснение по этому поводу. Даже просить не надо. Зачем писать одно предложение, если можно пять? Странная, чудная, уморительная женщина.

На следующий вечер у мистера Прайора готовы две шапки. По виду – шапки как шапки, пушистые, так что, полагаю, он справился.

Единственный минус этой затеи – мистер Прайор теперь живо интересуется Тиффи.

Мистер Прайор: То есть она редактор?

Я: Да.

Мистер Прайор: Какая интересная профессия!

Пауза.

Мистер Прайор: И она у вас живет?

Я: Угу.

Мистер Прайор: Любопытно...

Заполняю карту и украдкой на него поглядываю. Он в ответ невинно моргает.

Мистер Прайор: Не предполагал, что вы кого-то к себе пустите. Вы очень независимый. Потому и к Кей до сих пор не переехали, верно?

Слишком много я болтаю с пациентами о личной жизни. Надо завязывать.

Я: Это другое. Я Тиффи вообще не вижу. Мы только обмениваемся записками.

Мистер Прайор задумчиво кивает.

Мистер Прайор: Эпистолярное искусство. Письмо – глубоко интимная вещь...

Подозрительно прищуриваюсь. Куда он клонит?

Я: Это бумажки на холодильнике, мистер Прайор, не надушенные письма, которые приносит посыльный.

Мистер Прайор: Ах да, конечно. Уверен, вы правы. Ну разумеется. Бумажки. Какое уж тут искусство.

На следующий вечер про Тиффи знает даже Холли. Поразительно, как быстро разносятся по палатам сплетни, если учесть, что значительная часть пациентов прикована к постели.

Холли: Она красивая?

Я: Не знаю, Холли. Какая разница?

Холли замолкает, думает.

Холли: Она хорошая?

Я, после секундного размышления: Да, хорошая. Шумноватая и странная, но хорошая.

Холли: Что значит «квартирантка»?

Я: Значит, она живет у меня. Мы вместе живем в одной квартире.

Холли, округляя глаза: Как парень с девушкой?

Я: Нет-нет. Она не моя девушка. Она друг.

Холли: То есть вы спите в разных комнатах?

К счастью, запищал пейджер, и отвечать не пришлось.

Май

15. Тиффи

Отдираю записки и приклеенные скотчем обрывки бумаги от дверцы буфета, стола, стен и даже одну от крышки мусорного ведра. Невольно улыбаюсь. Забавный способ узнать человека – несколько месяцев кряду черкать друг другу по несколько строк. И ведь все произошло само собой – короткая бумажка про еду незаметно превратилась в полномасштабную ежедневную переписку.

Хотя, отклеивая свидетельства нашего задушевного общения от спинки дивана, отмечаю, что в среднем пишу раз в пять больше, чем Леон. И что мои записки гораздо более откровенные. Забавно перечитывать. Во-первых, сразу видно, насколько никудышная у меня память. Например, я пишу, как стыдно было, когда в прошлом году не передала Джастину приглашение на день рождения Рейчел. Однако сейчас отчетливо помню – я его все-таки пригласила, и дело кончилось жуткой ссорой, поскольку он не хотел отпускать меня одну. Джастин всегда говорил, что у меня ужасная память; досадно находить письменное тому подтверждение.

Половина шестого. Я рано ушла с работы, потому что в редакции никого не осталось – увольняется коллега, все отправились отмечать, а у меня нет денег, и так как из начальства никого не осталось, я сама отпустила себя домой. Уверена, никто бы не был против.

Думала, застану Леона, поскольку пришла около пяти. Странное было чувство. Согласно официальным условиям нашего уговора, я не должна возвращаться раньше шести. Я знала, когда на это соглашалась, что мы не будем в квартире в одно и то же время – тем-то мне и приглянулось объявление. Хотя и не предполагала, что мы в буквальном смысле никогда не встретимся. То есть вообще, совсем, ни разу за целых четыре месяца.

Я, надо сказать, хотела пересидеть в кофейне за углом, однако подумала, что это странно: друзья, а ни разу не виделись. Чувство именно такое – мы друзья. Да и может ли быть иначе, если наши жизни постоянно пересекаются. Я точно знаю, какую он любит яичницу, хотя не видела, как он ест ее – на тарелке всегда море размазанного желтка. Могу довольно точно описать его вкус в одежде, хотя ни разу не видела на нем ни одной вещи из тех, что болтаются на сушилке в гостиной. И, что самое странное, я знаю, как он пахнет.

Не вижу причины, почему нельзя встретиться, – это не изменит условий, на которых мы сосуществуем. Просто, если я вдруг увижу Леона на улице, смогу его узнать.

Звонит телефон. Странно – я даже не знала, что он у нас есть. Сначала бросаюсь к своему мобильному, но у меня мелодия звонкая и веселая, а не допотопный дзынь-дзынь, который сейчас раздается непонятно откуда.

Наконец обнаруживаю стационарный телефон на кухонной стойке под шарфом мистера Прайора и ворохом записок с обсуждением все или не все – абсолютно все – сливочное масло слопал Леон.

Стационарный телефон! Обалдеть! Я думала, это ископаемое, за которое платишь, когда надо провести домой выделенную линию интернета.

– Аллю... – робко говорю я.

– О, салют!.. – отвечает какой-то парень на том конце.

Он удивлен – надо полагать, не ожидал услышать женский голос, – и у него занятый акцент: смесь лондонского с ирландским.

– Это Тиффи, – представляюсь я. – Я живу у Леона.

– А! Привет! – Заметно повеселел. – В смысле спишь в его кровати?

– Я просто соседка, – морщусь я.

– О'кей, о'кей, – говорит он и, кажется, ухмыляется. – Приятно познакомиться, Тиффи! Я Ричи, брат Леона.

– Привет, Ричи.

Не знала, что у Леона есть брат. С другой стороны, я, наверное, о Леоне еще много чего не знаю, даже если и знаю, что он читает перед сном. Сейчас «Под стеклянным колпаком», в час по чайной ложке.

– Вы с Леоном, видимо, разминулись. Я пришла минут тридцать назад, и его уже не было.

– Вкалывает на работе как проклятый. Я не сообразил, что уже полшестого. Во сколько вы там сменяетесь?

– Обычно в шесть, но я сегодня рано закончила. Звони ему на мобильный.

– Видишь ли, Тиффи, не могу.

Хмурюсь.

– Не можешь позвонить на мобильный?

– Это длинная история... В общем, я в тюрьме строгого режима, и единственный номер, на который мне разрешено звонить, – домашний телефон Леона. Кстати, звонки на мобильные еще и дороже в два раза, а я зарабатываю четырнадцать фунтов в неделю за уборку в блоке. Причем, чтобы получить это место, пришлось кое-кому дать на лапу... Так что не разбежишься.

Я в легком трансе.

– Хреново!.. Реально хреново! И как ты там?

Слова сами срываются с языка. Не лучшее, что можно сказать в данных обстоятельствах, но дело сделано.

К моему – а может, и к своему – удивлению, Ричи начинает хохотать.

– Я нормально, – отвечает он спустя секунду. – Но все равно спасибо. Уже семь месяцев. Видимо, я – как это Леон называет? – акклиматизируюсь. Учусь здесь жить, терпеть минуту за минутой.

Киваю.

– Уже что-то. И как там по шкале от «Алькатраса» до «Хилтона»?

Снова смеется.

– Зависит от настроения в конкретный день. Хотя, скажу тебе, по сравнению со многими я – везунчик. У меня теперь отдельная камера и два свидания в месяц.

С моей точки зрения, везением тут и не пахнет.

– Раз звонок платный, не хочу сильно тебя задерживать. Леону что-нибудь передать?

В трубке воцаряется трескучая тишина, слышны только фоновые шумы.

– И ты не спросишь, за что я сел?

– Нет, – огоршенно отвечаю я. – А ты хочешь рассказать?

– Обычно люди спрашивают.

Пожимаю плечами.

– Не мое дело тебя судить. Ты брат Леона и позвонил с ним поговорить. И потом, мы говорили об ужасах тюрьмы, а они одинаковы для всех, неважно, что ты сделал. Тюрьмы неэффективны, это любому понятно. Так?

– Так. В смысле правда понятно?

– Конечно.

Снова тишина.

– За вооруженное ограбление. Только я этого не делал.

– Господи, ужас какой! Тогда действительно хреново!

– Ага, как-то так... Ты мне веришь?

– Мы даже не знакомы. Какая разница?

– Не знаю. Почему-то мне не все равно...

– Чтобы сказать «верю», мне нужны факты. Иначе какой смысл?

– Тогда передай Леону вот что: я хочу, чтобы он сообщил тебе факты, и ты смогла бы ответить, веришь или нет.

– Постой... – Тянусь за бумагой и ручкой, пишу и проговариваю вслух: – Привет, Леон, это записка от Ричи. Он говорит...

– Я хочу, чтобы Тиффи знала, что со мной произошло. Хочу, чтобы поверила, что я этого не делал. Она, по-моему, хорошая девушка и, держу пари, еще и красивая. Это сразу понятно, брат, такой особенный голос – низкий и сексуальный, знаешь, как...

Смеюсь.

– Такое я писать не буду!

– На чем остановилась?

– Сексуальный, – признаюсь я, и Ричи смеется.

– Хорошо. Ставь точку. Только последнее предложение не вычеркивай, пожалуйста, Леон повеселится.

Качаю головой и улыбаюсь.

– Хорошо. Оставлю. Рада познакомиться, Ричи.

– И я, Тиффи. Присмотри там за моим братиком, ладно?

Молчу, удивленная просьбой. Во-первых, присматривать, по-моему, надо за Ричи, а во-вторых, я не лучшая кандидатура для присмотра за братьями Туми, ибо ни разу не видела ни того, ни другого. Открываю рот, однако Ричи уже вешает трубку, и слышны только гудки.

16. Леон

Смеюсь. Ричи в своем амплуа. Очаровывает комплиментами мою квартирантку даже с тюремного двора.

Кей заглядывает через плечо.

Кей: Ричи, как вижу, не изменился.

Напрягаюсь. Она это чувствует и тоже напрягается, однако на попятную не идет.

Я: Он храбрится, шутит.

Кей: А Тиффи что? Не против подцепить мужика?

Я: Зачем так грубо?

Кей: Какой ты зануда, Леон! Я просто спросила.

Не собираюсь я подсовывать бедную девушку брату. И что-то еще здесь не то, хотя я слишком устал, чтобы разбираться.

Я: Она одна, но все еще влюблена в своего бывшего.

Кей, внезапно заинтересовавшись: В самом деле?

Не пойму, какая ей разница. Стоит упомянуть Тиффи, она или перестает слушать, или сердится. Сегодня впервые за много месяцев мы встретились у меня. Кей сегодня не надо на работу, и она зашла на «зужин», пока я не лег спать. Увидела повсюду записки и почему-то начала огрызаться.

Я: Ее бывший, кажется, самый заурядный. Гораздо хуже каменщика-ди...

Закатывает глаза.

Кей: Хватит уже о треклятом каменщике!

Прочти она книгу, не была бы так категорична.

Прошло несколько недель, на дворе солнечный день, какие обычно бывают только за границей. Англия не привыкла к жаре, особенно когда та приключается внезапно. Сейчас всего лишь июнь, начало лета. Пассажиры электричек бегут на работу, опустив головы, будто под дождем, на голубых рубашках темнеют треугольники пота. Мальчишки-подростки стягивают футболки и разгуливают полуголыми, с бледными руками, грудью и несуразными острыми локтями. Куда ни шагни, натыкаешься на обожженные плечи или неприятный жар тел, облаченных в деловые костюмы.

Я возвращаюсь из военного музея, где предпринял очередную попытку отыскать Джонни Уайта и добыл список из восьми имен и адресов. Адреса собраны путем бесконечного копания в архиве, звонков родственникам и поисков в интернете. Совсем от ошибок не застрахуешься, но все же это начало или, точнее, восемь начал. Я вытянул из мистера Прайора достаточно информации, чтобы детализировать поиск. Разговоришь – и, оказывается, он помнит гораздо больше, чем утверждал.

Всех зовут Джонни Уайтами. Не знаю, с которого начать. Самого приглянувшегося? Живущего ближе всего?

Достаю телефон и набираю сообщение Тиффи. В прошлом месяце рассказал ей о поисках возлюбленного мистера Прайора. Сделал это после ее пространного письма о зловещих книжках про вязание; видимо, был в то утро необычно словоохотлив. Как будто ее чрезмерная откровенность заразна. Всегда неловко, когда приезжаю в хоспис и вспоминаю, что нацарапал за кофе перед работой.

Привет. Получилось восемь Джонни Уайтов (для мистера Прайора). С кого начать?
Леон

Ответ приходит минут через пять. Она вплотную засела за книгу про вязание сумасшедшей авторши и, видимо, концентрируется с трудом. Не удивляюсь: вязание – штука странная и скучная. Пробовал почитать рукопись – вдруг такая же хорошая, как про каменщика. Увы: одни инструкции и картинки готовых изделий, которые, по-моему, связать нереально.

Проще простого. Энни, бени, рес, квинтер, финтер, лес...

И две секунды спустя:

ЭНИ, бени, рес, квинтер, финтер, ЖЕС. Автозамена достала! Вряд ли какой-то лес в данном случае поможет.

Оригинальная женщина. Тем не менее послушно останавливаюсь в тени автобусной остановки, достаю список и считаю по считалочке. Естественно, выпадает Джонни Уайт. Тот, что живет под Бирмингемом.

Удачный выбор. Загляну, когда в следующий раз поеду к Ричи – он там недалеко. Спасибо. Леон

Несколько минут молчания. Иду по запруженным потеющим улицам Лондона, который нежится в зное, глядя в небо темными очками. Устал до смерти. Давным-давно пора спать, но я теперь мало бываю на улице днем, и кожа соскучилась по солнечным лучам. Вяло размышляю, хватает ли мне витамина Д, потом уношусь мыслями к Ричи – сколько он на этой неделе выходил из камеры. Полагается полчаса ежедневно. Правда, это редкость. Охранников не хватает, и прогулки все время сокращают.

Кстати, ты получил мою записку насчет Ричи? Он просил рассказать, что случилось. Не хочу давить, но прошло больше месяца, и я бы с удовольствием послушала.

Щурюсь на сообщение, которого из-за солнца почти не видно. Затеняю рукой и перечитываю. Странно, получил его как раз в тот момент, когда вспоминал Ричи.

Как только узнал об их разговоре, задался вопросом, верит ли Тиффи в его невиновность, несмотря на то, что не знакома ни с ним, ни с подробностями дела. Бред. Даже если бы все знала, какая разница? Ни разу в жизни ее не видел. Так всегда – постоянное зудение в голове, с кем бы ни общался. Вроде разговариваешь нормально, а потом вдруг раз – и думаешь: ты бы поверил, что мой брат невиновен?

Однако спрашивать нельзя. Жуткая тема для беседы и жутко, когда тебе с бухты-барахты задают такой вопрос. Кей может подтвердить.

Отвечу запиской, когда вернусь. Сообщения я посылаю нечасто и ощущение странноватое. Как отправить электронное письмо маме. А записки... мы так разговариваем.

На платяном шкафу – куда ведет последняя вереница бумажек.

Если не возражаешь, попрошу, чтобы Ричи сам тебе написал. У него лучшие получатся.

Еще мысль: твоя авторша по вязанию не могла бы как-нибудь прийти в «Сент-Маркс», где я работаю? Хотим организовать для пациентов дополнительные развлечения. Вязание крючком, хоть оно и скучно, может заинтересовать стариков.

Привет, Леон!

Конечно! С нетерпением жду письма от Ричи.

И – да! Запросто! Наши пиарики только об этом и мечтают. Позволь сказать, ты выбрал отличное время, потому что Кэтрин как раз стала ЗНАМЕНИТОЙ. Загляни к ней в твиттер.

Под запиской – распечатанный скриншот из «Твиттера»:

Katherin Rosen @KnittingKatherin⁴

Потрясающий шарф, который можно связать по моей новой, готовящейся к печати книге «Провяжи дорогу в жизнь». Создавайте красоту и практикуйте осознанность!

117 комментариев, 8000 ретвитов, 23000 лайков.

Ниже еще бумажка:

Да-а-а... ВОСЕМЬ ТЫСЯЧ РЕТВИТОВ. Кстати, и шарфик мистера Прайора тоже все видели, не забудь ему сказать!

Следующая записка:

Ты в твиттере, наверное, не особо разбираешься, твой ноутбук несколько месяцев даже не открывался, не говоря уж о том, чтобы его зарядить. Но ретвитов реально много, Леон. МНОГО. А все потому, что потрясающая блогер Таша Чай-Латте с ютуба прокомментировала этот твит и поделилась им.

Распечатка скриншота из «Твиттера» (прилеплена так низко, что приходится присесть):

Tasha Chai-Latte @ChaiLatteDIY

Вязание крючком – новый тренд ярких образов! Огромная благодарность @KnittingKatherin за потрясающие идеи. #bemindful #crochetyourway

⁴ Кэтрин Роузен, вяжущая Кэтрин (англ.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.